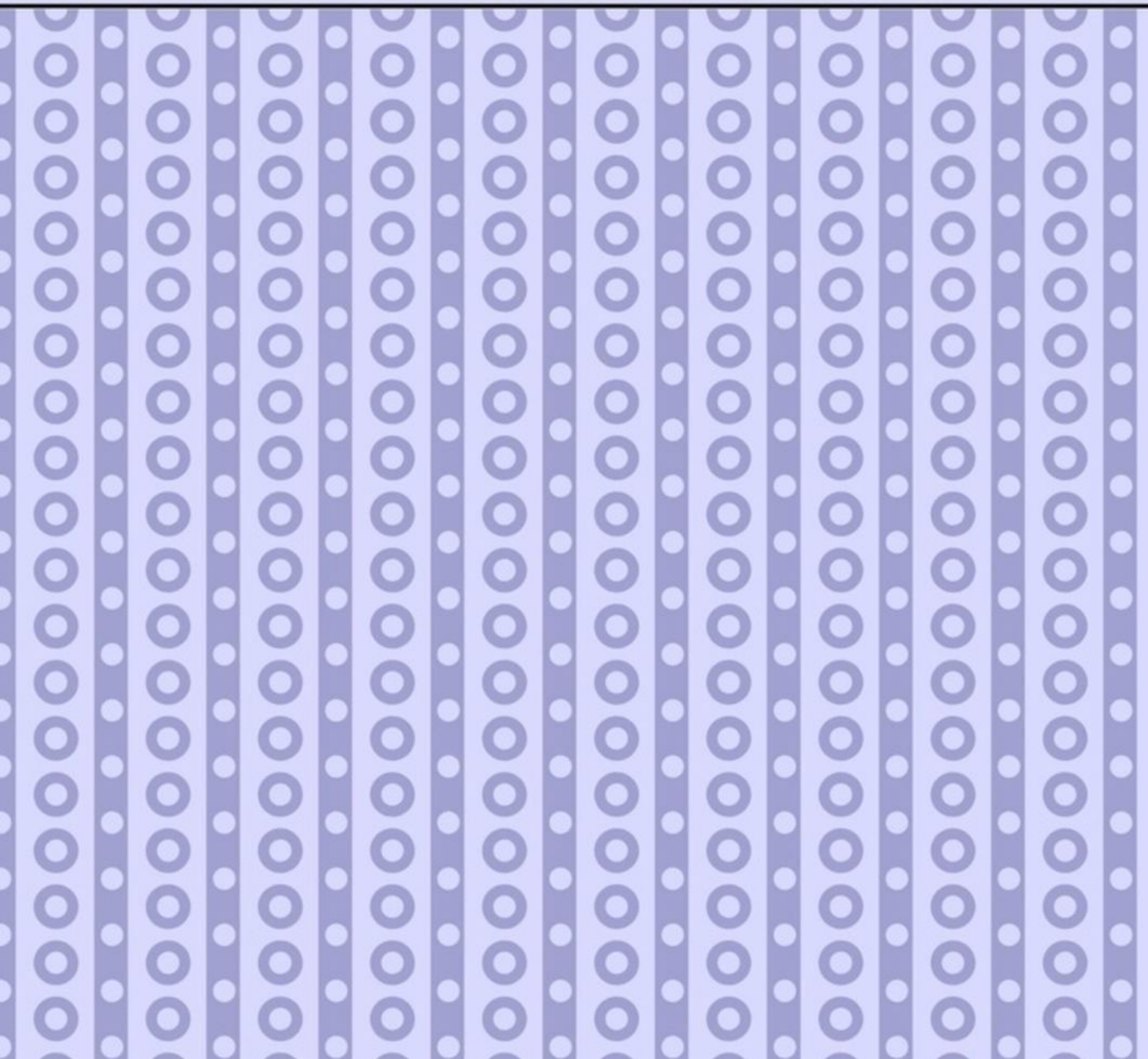

Сергей Степанов-Прошельцев

Волжане

Сергей Степанов-Прошельцев

**Волжане. Люди
Нижегородского края**

«Издательские решения»

Степанов-Прошелецев С.

Волжане. Люди Нижегородского края / С. Степанов-
Прошелецев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505062-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта
книга — о людях Нижегородского края. И о тех, кто жил много лет назад, и
о тех, с кем мне довелось встречаться. Тут и архивные документы, и живые
свидетельства.

ISBN 978-5-00-505062-5

© Степанов-Прошелецев С.
© Издательские решения

Содержание

Сергей СТЕПАНОВ – ПРОШЕЛЬЦЕВ	6
ОНИ СЛЫЛИ КРАСАВИЦАМИ	9
СОЦАРИЦА»	12
МЯТЕЖНЫЙ ПРОТОПОП	14
ГЕРОЙ АНЕКДОТОВ	18
«БИЗНЕС-ПЛАН» АРХИМАНДРИТА	20
НАСЛЕДНИКИ ВАРВАРОВ	23
«ДОБЫЙ СТАРИЧОК»	26
СТРАННИК ПОНЕВОЛЕ	28
СТАРЫЙ ДОМ И ЕГО ХОЗЯИН	31
ЗВЁЗДНАЯ ГЕОМЕТРИЯ	36
ОФЕЛИЯ ИЗ НИЖНЕГО НОВГОРОДА	40
ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В МИСТИЧЕСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ	46
КУДА ДЕВАЛИСЬ ДЕНЬГИ АКАДЕМИКА?	49
«МАЛЬЧИК Я БЫЛ НЕКРАСИВЫЙ...»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Волжане Люди Нижегородского края

Сергей Степанов-Прошелец

© Сергей Степанов-Прошелец, 2019

ISBN 978-5-0050-5062-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей СТЕПАНОВ – ПРОШЕЛЬЦЕВ ВОЛЖАНЕ

Люди нижегородского края

1

КТО ОНИ – ВОЛХВЫ?

...Скованные одной цепью, они стояли на Лобном месте, обгащённом кровью многих казненных. Их ожидали страшные мучения и смерть. Толпа улюлюкала, свистела, отпускала сальные шуточки — возбуждение её объяснялось предвкушением невиданного дотоле зрелища. Всем было невтерпёж: спешили и стрельцы — им нужно было разложить кругом несколько возов соломы.

Никто из этих несчастных не оплакивал свою судьбу. Гордость не позволяла. Как бы со стороны глядели они на все эти приготовления, и во взглядах читалось презрение. Ни единого крика, ни единого стоны не услышали москвичи, когда столб пламени взметнулся в мартовское хмурое небо.

Скажи, вдохновенный кудесник...

Волхвы у славян представляли как бы сословие жрецов. Они обладали тайными знаниями, недоступными простым смертным. Это была каста гадалей, пророков, предсказателей, ведающих прошлое, настоящее и будущее, служителей древних языческих богов.

Вот что рассказывает о них кандидат исторических наук Григорий Данилевич:

– Волхвы приносили жертвы от имени всего народа, составляли мудрые календари, знали «черты и резы» – древнюю письменность, хранили в памяти историю племен и давние предания. У них была своя «специализация». Волхвы-«облакопрогонники» делали все, чтобы погода благоприятствовала сбору урожая. Волхвы-целители лечили людей, волхвы-хранители изготавливали различные амулеты-обереги, волхвы-ведуны, как и женщины-ведуньи, занимались непосредственно колдовством. Но были еще и волхвы-кошунники – сказители кошун (древних преданий и эпических сказаний). Их, правда, еще называли баянами – от слова «баять» (рассказывать, петь, заклинать).

В летописи 912 года рассказывается о кудеснике, который предсказал смерть князю Олегу. Когда в 1024 году в Суздальской земле разразился страшный голод, волхвы обвинили в этом двух колдуний из своей же среды и стали их избивать. Только вмешательство князя Ярослава прекратило это побоище. Наконец, в 1071 году в Новгороде Великом при князе Глебе объявился волхв, который обещал пройти реку Волхов (не в честь ли кудесников и чародеев названа эта река?) «яко посуху». То есть хотел продемонстрировать народу, что и жрецы языческих богов ни в чем не уступают самому Иисусу Христу. Но Глеб не допустил демонстрации феноменальных способностей. Он самолично зарубил мечом человека, который покушался на каноны христианства.

– Это свидетельствует о том, что принятие новой веры на Руси сопровождалось большим сопротивлением, и это сопротивление возглавляли именно волхвы – хранители древних славянских традиций, – продолжает Григорий Маркович. – Проходили века, а языческие обряды и верования выкорчевать из памяти народа не удавалось. Некоторые из них живы и по сей день. Например, празднование Ивана Купалы.

Так кто же такие волхвы? Почему, начиная с XII века, они превратились в существ злых, преисполненных грехов и находящихся в близкой связи с нечистой силой? Почему обви-

няли их в посягательстве на жизнь и здоровье, в нанесении вреда хозяйству, а главное – вере в Христа?

– Уже в церковном уставе Владимира Святого было положено наказание волхвам и чародеям – непременно только сожжение, – говорит Данилевич. – Это подтверждено и уставом князя Всеволода, княжившего в Новгороде с 1117 по 1132 год. В 1227 году там сожгли четырех волхвов. В Нижнем Новгороде «жёнку вещую» отправили на костер тремя годами позже. В Пскове мученическую смерть в огне приняли сразу двенадцать ведуний. Потом женщин перестали сжигать – их закапывали в землю по грудь и отдавали на растерзание голодным псам. И это была целенаправленная политика. Волхвы сохраняли верность язычеству, передавая свои тайные знания из поколения в поколение, и объявили христианской церкви и государству, которое ее всячески поддерживало, своего рода газават – священную войну. А на войне, как известно, все средства хороши.

Заметим, что это – одно из мнений. Есть и такое: его высказал научный руководитель Международного института социальной экологии в Санкт-Петербурге Вячеслав Губанов. По его словам, часть волхвов, сохраняя традиции и веру в языческих богов, приняли новую религию, но, как и прежде, занимались целительством и устным народным творчеством, передавая тайные знания своим детям и внукам. Так была проведена черта между «белой» и «чёрной» магией.

Баба Таня

Болота Варех и Утрех в Нижегородской области, на первый взгляд, близнецы-братья, Утрех, правда, побольше. В центре каждого – внутреннее озеро с карасями и окунями, щукой и плотвой, лещами и линями; клюквы – море, торфяники то тут, то там, растительность практически одна и та же. Да и находятся Утрех и Варех рядышком, иногда даже не поймешь, где они граничат. А в общей сложности занимают они довольно приличную территорию – свыше пяти тысяч гектаров.

Впрочем, Варех намного старше Утреха, да и вообще это самое древнее озеро в Нижегородской области: образовалось оно в конце голоцена (так ученые называют послеледниковый период), его возраст – около десяти тысяч лет. Но и Утрех тоже не лыком шит. Здесь встречаются заросли очень редкой в этих краях карликовой берёзы – детища тундры.

Ближе всего к болотам находятся посёлки Фролищи и Дальний Утрех, которые относятся к разным районам – Володарскому и Чкаловскому. С трудоустройством здесь немало проблем, ну а болота и озера позволяют хоть как-то прокормиться. И рыбы вдоволь, и ягод. И осенью здесь, что называется, час пик.

– Пошел и я на раздобыток – порыбачить, – рассказывает Никита Ханин. – Утрех от меня поближе, я туда. И вдруг навстречу мне – бабуля. Я про неё слышал – говорили, что живёт одна на болоте, а я не верил. Поздоровались. Я ее спрашиваю: «Чего это ты тут делаешь?». «Клюкву собираю», – говорит. «В камышах?». А она так умыла меня глазами, что сразу стало понятно: эта баба Таня – ведьма патентованная...

Никита закуривает и продолжает:

– Про эту бабу Таню давно злоязычат, будто у неё шашни с нечистой силой. И не семьдесят лет ей, как по паспорту, а все пятьсот, а может, и больше.

По словам Никиты, баба Таня, хотя её и недолюбливают, вроде бы ничего плохого никому в округе не делала. Наоборот, помогла даже, вылечила, когда предписания врачей не помогали. Обращался к ней однажды и сам Ханин.

– На Утрехе это и приключилось, – говорит он. – Дождик шёл, а я поскользнулся и упал в хлюп-грязь, в самую её густель. А на календаре не лето – осень поздняя. Пока доковылял домой – задубел весь. И высыпали у меня по всему телу чирьи. Пришел к врачу, а тот присове-

товал мне пивные дрожжи пить. А мне всё хуже и хуже. Пришел опять. Переливание крови назначил. А полегчения никакого. Ну и надоело мне сутолочиться, отправился я к бабке.

Никита закуривает очередную сигарету. И продолжает свой рассказ:

– Нашёл её еле-еле. Избушка на ладан дышит, как и она сама. «Носовой платок есть?» – выслушав меня, первым делом спрашивает. Достаю. Она при мне заузлила его и говорит: «Затяни узлы покрепче и всегда с собой носи, даже когда спать ложиться будешь, не ерохорься, клади под подушку». Потом взяла какой-то каменный шар, потёрла им меня, а сама шепчет – быстро так, неразборчиво. Смешала что-то из двух склянок, даёт мне выпить. И – полегчало, чирьи все позасохли. Вот и думай после того, польза или вред от ведьмы...

Превратились в сорок

Но вернемся к началу нашего повествования. Шел последний год царствования Ивана Грозного. А тут еще в небе появилась яркая комета. К чему это? И повелел государь прислать в Москву из всех концов государства самых известных по тому времени прорицательниц.

Всего их набралось 13. Они представляли Архангельск, Вятку, Сольвычегодск, Белов, Орел, Тотьму, Пелым, Соликамск, Полоцк, Лух, Смоленск, село Просвиряково. Из Нижнего Новгорода отрядили в столицу Феклицу. И ведуньи объяснили доверенному царя Бельскому, который каждый день посещал их, что Иван Грозный умрёт 18 марта.

Так и вышло. Государь сел играть в шахматы, но неожиданно покачнулся, схватился за грудь и упал замертво. А предсказательницы поплатились за свой точный прогноз – их повелели сжечь.

Легенда рассказывает, что на пепелище обгорелых трупов не нашли. Якобы вещуны превратились в сорок.

ОНИ СЛЫЛИ КРАСАВИЦАМИ

Эталоны красоты со временем подвержены изменениям. Но есть другая красота — духовная. А она с годами не меркнет.

Печальная повесть о великой княгине

Вот уже без малого 640 лет покоится в земле прах великой княгини Нижегородской Вассы, но память о ней жива. Васса (в иночестве Феодора) причислена к лику святых, каждый год, 28 марта, в день перенесения её мощей, верующие поминают добрым словом дочь тверского боярина Иоанна.

Васса была еще подростком, а все говорили о том, что она – писаная красавица. Увидел ее случайно великий князь суздальский и нижегородский Андрей Константинович – и глаз не мог отвести. И Васса стала его женой.

Но не все было гладко на жизненном пути князя. Рубился с врагами, получил ранение, заботы наваливались: нужно было сохранять, хотя бы чисто формально, добрые отношения с Золотой Ордой, вовремя собирать и платить дань, защищать подданных от набегов тех же татаро-монголов, мордвы, да и что греха таить, соседей-славян, решать другие важные вопросы. С женой Андрей Константинович виделся редко. Детей у них не было.

А любовь была, да такая, что, как рубина свет, в веках не гаснет. Почти 13 лет прожили они вместе, и все эти годы друг в друге души не чаяли. А когда жизненный путь князя прервался, и Васса, которой не было ещё и тридцати лет, стала безутешной вдовой, она постриглась в монахини, раздав все своё имущество бедным, да в святые храмы. И посвятила себя на веки вечные Господу. Скончалась княгиня в Зачатьевском монастыре, построенном её мужем на берегу Волги близ устья реки Почайны.

Монастырь этот сгорел дотла 29 июня 1685 года. Но мощи Вассы успели перенести в Спасо-Преображенский собор, где они находились рядом с гробницей Козьмы Минина. Вплоть до 1929 года, когда большевики собор взорвали.

Отвергнутая невеста

В 1617 году первому царю из династии Романовых, Михаилу Федоровичу, исполнилось двадцать лет. Но он был холост, и для пущей солидности бояре решили его женить. Стали подыскивать супругу, устроили «*смотр невест*» – если выразаться современным языком, конкурс красоты, и выбор государя пал на дочь небогатого дворянина Ивана Хлопова, Марию.

Девушка поражала всех, кто её видел, какой-то необыкновенной красотой. Портрета её, к сожалению, не сохранилось, но современники восхищались ее миндалевидными, «небесными» глазами, румянцем на щеках и тяжелой русой косой до пят.

Царской невесте отвели особые покои и по обычаю того времени дали новое имя – Анастасия. Её родители и дядя – Иван и Гаврила – были приняты ко двору, осыпаны подарками. И Михаил Федорович неожиданно для всех приблизил к себе Гаврилу Хлопова – они стали чуть ли не приятелями.

Бывший царский фаворит Михаил Салтыков, был уязвлен в самое сердце и затаил обиду. А вскоре после ссоры с Гаврилой у него, вероятно, возник коварный замысел – отомстить. И он решил отравить Марию Хлопову.

Такой случай представился. Заканчивались приготовления к свадьбе, и царь поехал в церковь – помолиться перед бракосочетанием. Его сопровождало всё семейство Хлоповых в полном составе, включая даже бабушку Марии, Желябужинскую. Не было только самой невесты царя – это запрещала традиция. И согласно одной версии Салтыков, воспользовавшись

этим, подкупил прислугу, и Марию напоили каким-то снадобьем, после чего у нее открылась неудержимая рвота. По другой версии, у невесты просто было расстройство желудка.

Царю донесли о случившемся, а Салтыков и его мать подлили масла в огонь. Они уверили Михаила Федоровича, что болезнь очень опасная, что детей от этого брака у него никогда не будет.

Придворные доктора Бильс и Балсырь это не подтвердили. *«Плоду и чадородию от того порухи не бывает»*, – заявили они. Но Михаил Салтыков гнул своё. И убедил мать царя, инокиню Марфу. Она потребовала, чтобы Марию удалили из Белокаменной как можно дальше, дабы её не лицезреть ([Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей](#). Москва, издательство «Эксмо», 2009).

Был создан [Земский собор](#). Гаврила Хлопов утверждал, что болезнь проходит. Но бояре побоялись ослушаться царскую матушку – очень уж крута была. И экс-невесту сослали в [Тобольск](#), а её отца и мать – в [Вологду](#).

В [1619 году](#) вернулся из плена отец царя, митрополит [Филарет](#), и был посвящён в патриархи. С его появлением влияние матери на Михаила заметно уменьшилось. Филарет не согласился с бывшей женой и осудил сына за малодушие. Невесту и её родственников в 1619 перевели в Верхотурье, а в 1621 – в Нижний Новгород. Нижегородский воевода Петр Головин поселил Хлоповых в просторном доме в Благовещенской слободе, в приходе Предтеченской церкви.

Но Филарет не настаивал на браке сына с Хлоповой. Предложил сосватать Михаилу литовскую принцессу, но тот отказался. Отверг и союз с племянницей датского короля [Христиана](#). Он с тоской вспоминал Марию.

Патриарх понял; это – любовь. По его приказу врачи Бильс и Балсырь отправились в Нижний Новгород, чтобы вновь осмотреть невесту. Они сделали вывод: *«Марья во всём здорова»* (там же). И тут стало понятно: Михаил Салтыков *«учинил заговор»*. Его вместе с братом Борисом сослали в свою вотчину. Но Марфа Романова была непреклонна. Она пригрозила сыну: *«Если Хлопова будет царицей, не останусь я в царстве твоём»* (там же).

В конце [1623](#) года в Нижний Новгород прибыли дознаватели во главе с боярином [Фёдором Шереметевым](#) и архимандритом Иосифом. Они доложили царю, что Мария находится в полном здравии, а красота её от пребывания *«в северных медвежьих краях»* ничуть не потускнела.

Посланцы Филарета собирались доставить Марию в Москву. Но, увы, стать царицей Хлоповой было не суждено. Царская мамаша этого не допустила. Опять начались придворные интриги. Новый фаворит Михаила Федоровича, князь Долгорукий, в конце концов, настоял на том, чтобы 28-летний государь взял в жены его дочь. Надо сказать, тоже красавицу.

Но брак с ней оказался несчастливым. На следующий день после свадьбы новоиспеченная царица занемогла и через три месяца, в январе 1625 года, умерла. Некоторые историки считают, что ее тоже вполне могли отравить, как и Марию Хлопову, – таких случаев в отечественной истории не один и не два.

А Мария Хлопова так и осталась доживать свой короткий бабый век в Нижнем. Скончалась она, по-видимому, в 1633 году. Ей еще не исполнилось и 32 лет.

Деворра

Тётка второй супруги царя Алексея Михайловича и матери Петра I, Натальи Кирилловны, Евдокия, урождённая Гамильтон, женщиной была особенной. Яркая брюнетка, она считалась в своё время законодательницей мод. Первой на Руси стала носить укороченные золототканые летники с длинными и очень широкими рукавами, которые вышивались золотом и унизывались жемчугом. Она же удивила всех навороченными, выражаясь современным языком, платьями из *«червчатого»* (светло-красного) атласа и чёрного бархата, *«расшитого кани-*

телью» (тонкой золотой, серебряной или медной нитью, туго свитой в спираль или трубочкой – такую нить вытягивали клещами). Расшивали ткань тогда и «*трунцалом*» – ребристой разновидностью канители из плоской проволоки. Первой надела опашень (подобие плаща) с золотыми пуговицами, телогрею с оторочкой из меха куницы (Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. Москва, издательство «Экономика», 1993).

Подражая тётке, Наталья Кирилловна явилась во дворец для наречения её царской невестой в таких тяжелых нарядах, с таким грузом драгоценностей, что у нее тотчас же заболели ноги, и она еле-еле передвигалась.

А Евдокия ко всему этому была привычна. Став женою думного дворянина Фёдора Нарышкина, она, дерзкая на язык, позволяла себе даже критиковать государя как за его просчеты в управлении державой, так и за его манеры общения с подданными. Учила его и как пользоваться столовыми приборами. Наверное, именно это и переполнило чашу его терпения.

Хотя нет – больше всего рассердило Алексея Михайловича то, что Евдокия Нарышкина не приняла церковные реформы патриарха Никона. Более того, она призывала верующих бойкотировать их. И царь сослал тетку своей венценосной супруги в отдаленное село Лобачи Алатырского уезда.

Решительная брюнетка, оставшись не у дел, с этим смириться не могла. Вскоре она бежала в Арзамасский уезд, где постриглась в монахини по раскольничьему обряду под именем Деворры. И к ней потянулись те, кто придерживался старой веры. Деворра выслушивала их, давала советы, призывала стоять в своих убеждениях до конца, а кого-то вербовала в сторонники. Общалась с помощью записок, переданных с верными людьми, с таким же опальным, как она, протопопом Аввакумом, которого сожгли на костре как еретика в 1682 году.

О местонахождении Евдокии-Деворры донесли царю, и её взяли под стражу. Дальнейшая судьба жены думного дворянина Нарышкина неизвестна (Нижегородский край в словаре Брокгауза и Ефрона. Нижний Новгород, издательство «Нижегородская ярмарка», 2000)

Раскольники утверждают, что Деворру заморили голодом. Память об этой подвижнице староверы чтут до сих пор, считают её святой.

СОЦАРИЦА»

12 октября 1664 года в Нижнем Новгороде появилась на свет будущая «соцарица» российская, мать императрицы Анны Иоанновны и бабка регентши малолетнего монарха Ивана Анны Леопольдовны, Прасковья Федоровна Салтыкова.

Род Салтыковых ведёт свой отсчёт от *«мужа честна из Прусс»* (Пруссии, – С.С.-П.) Михаила, поступившего на службу к московским князьям ещё в XIII веке. От него пошли боярские династии Туши и Морозовых. Потом от Морозовых отпочковались Салтыковы (одного из Морозовых, тоже Михаила, прозвали Салтыком, что значило «ладный», «складный»).

Потомок Михаила Ивановича, по прозвищу Кривой, поддержал Лжедмитрия I и вынужден был бежать в Польшу. А вот племянник его, Фёдор Салтыков (его до того, как Прасковья вышла замуж за брата Петра I Ивана, звали Александром) примеру дяди не последовал и принял российское подданство. Царь Алексей Михайлович назначил его воеводой в Нижний Новгород. Случилось это в ноябре 1663 года.

Ивана привлекло то, что девушку, по словам современников, *«выкормили полною, статною, с высокою грудью, открытым лицом и длиною косою»*. А вот другое описание внешности невесты:

«Высока, стройна, полна; длинные волосы густыми косами ниспадали на круглые плечи; круглый подбородок, ямки на щеках, косички, красиво завитые на невысоком лбу – всё это представляло личность интересную, веселую и очень миловидную» (Семевский М. И. Царица Прасковья, Санкт-Петербург, 1861)

Сама Прасковья всячески противилась этому браку. Она была на два года старше жениха. По свидетельству шведского дипломата Хильдебрандта Горна, заявила что она *«скорее умрёт, чем выйдет за больного и хилого Ивана, но была выдана за него насильно»*. (Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Москва, издательство «Прометей» МГПИ, 1991).

Но тут сказала своё веское слово царевна Софья. В случае, если бы у Ивана родился сын, она оставалась правительницей до достижения мальчиком совершеннолетия.

Несмотря на то, что Иван был *«скорбный головою»*, по части любовных утех он других мог за пояс заткнуть. Но наследника престола не было: с 1689 по 1695 год Прасковья родила пятерых дочерей, правда, две из них умерли еще во младенчестве. А в 1696 году скоропостижно скончался и сам Иван.

После смерти мужа «соцарица» с тремя дочерьми поселилась в загородной резиденции Алексея Михайловича в [селе Измайлове](#). Петр I для управления её хозяйством назначил [Василия Алексеевича Юшкова](#). Но Юшков относился к своим обязанностям спустя рукава, приказчики при нём воровали, крестьяне досаждали царице жалобами.

Ни Прасковья, ни Юшков не обращали на это никакого внимания. Между ними возникла любовная связь.

Часто навещались в Измайлово и сам император, и его сын Алексей, и митрополиту Илларион Суздальский, уроженец села Кириково Нижегородской губернии, приказчик Аграмаков (Прасковья Фёдоровна имела большое вотчинное владение под Арзамасом).

Управляющим своим измайловским имением, Юшковым, Прасковья Фёдоровна помыкала двадцать с лишним лет. Причем так соблюдала конспирацию, что никто ничего подозрительного не замечал.

В 1708 году семья вдовствующей царицы, вместе с другой его родней по указу Петра перебралась жить в Санкт-Петербург. Прасковья Федоровна получила в дар дом в полную собственность на Петербургской стороне, на берегу Невы, близ Петровского домика. Но экс-царицу неудержимо тянуло в Измайлово – к Юшкову.

В конце жизни характер Прасковьи Фёдоровны резко изменился. Она стала часто болеть, злоупотреблять спиртным.

Однажды (это случилось в 1723 году) подьячий Василий Деревнин перехватил её письмо, адресованное Василию Юшкову. Тайное стало явным. Юшкова Пётр I сослал в Нижний Новгород. А «соцарица», которой было уже под шестьдесят, не выдержав разлуки с сердечным другом, отдала Богу душу (Царица Прасковья. Русская старина, 1872, т 6. №11).

МЯТЕЖНЫЙ ПРОТОПОП

14 апреля 1682 года, при большом стечении народа в Пустозёрске был сожжён главный идеолог старообрядчества протопоп Аввакум.

Вместе с дымом – к небу

Весна в том году была запоздалой, морозы не унимались даже в апреле. Когда стрельцы в красных кафтанах опустили в пятисаженную яму жердь и помогли выбраться оттуда Аввакуму, он дрожал в своем худом тулупчике.

Шел опальный протопоп с непокрытой головой – согбенный, тощий – в чем только душа держалась? Почти 15 лет провел он в земляной тюрьме, заедаем вшюю, страдая от ревматизма, от язв, оставленных кнутом и дыбой в московских застенках. Но протопоп ступал твердо, как будто ничего такого и не было. Седая борода его дымилась от холодного пара, лапти чавкали в грязи, но он – странное дело! – улыбался. Потому что, как никогда раньше, ощущал свою близость к Богу.

Они обнялись – единоверцы Аввакум, Фёдор, Лазарь и Епифаний. Никто не уговаривал их отречься. Царские сатрапы знали: это бесполезно. Они все равно не могли этого сделать: у Лазаря и Епифания вырезали языки. И узников привязали к осиновым столбам, врытым по углам сруба. Палачи завалили их по пояс хворостом, дровами и берестой.

Но костер долго не разгорался. Аввакум глядел на тлеющий хворост, и улыбка не сходила с его лица. Он был вроде бы еще здесь и одновременно уже в другом измерении: душа его устремлялась в небо – к святости и бессмертию.

Дунул ветер, и огонь вздулся огромным пузырьём. Веревки, стягивающие протопопа, ослабли, его рука простерлась над толпой. Пальцы сложились в двуперстие, и неожиданно зычный голос заставил вздрогнуть всех, кто, сняв шапки, стоял у пылавшего сруба:

– Молитесь! Молитесь таким крестом, и Русь вовек не погибнет.

Непримиримые враги

Летом 1991 года в селе Григорове, что возле Большого Мурашкина, открывали памятник лидеру русского раскола протопопу Аввакуму. Это торжественное мероприятие было приурочено к 360-й годовщине со дня рождения неугомонного борца с необоснованными, на его взгляд, реформами Православной церкви.

Другой памятник – патриарху Никону – установлен в селе Вельдеманово, что рядом с Перевозом. Это – родина непримиримого противника Аввакума, патриарха Никона, который появился на свет шестнадцатью годами раньше.

Добраться из Григорова в Вельдеманово даже на своих двоих можно часа за три. Конечно же, Никон (в миру Никита Минин, между прочим, мордвин по национальности) и Аввакум Петрович знали друг друга. Оба поначалу крестились одинаково: двуперстием. Оба при патриархе Иосифе занимались исправлением церковных книг, отчего в них оказалось ещё больше погрешностей и разночтений с греческими, чем было до этого.

Никон

После смерти отца Никон женился, принял священство и получил приход в Москве. Но тут один за другим умирают трое его малолетних детей, и смерть их так потрясла Никона, что он вместе с супругой постригся в монахи. В 1643 году его избирают игуменом Кожеозёрского монастыря.

Спустя три года молодого игумена заметил царь Алексей Михайлович. Он был переведён в Москву и посвящён в архимандриты Новоспасского монастыря, где была родовая усыпаль-

ница Романовых. В 1648 году Никон был возведён в сан митрополита Новгородского и потихоньку начинает проводить в жизнь в своей епархии церковные реформы, которые впоследствии расколют Русь на два враждебных лагеря.

В 1652 году после смерти Иосифа Никон был избран патриархом. Современники рисуют его портрет так: тучный великан с густыми иссиня-черными волнистыми волосами, окладистой бородой, широким лбом, надменным взором и плебейским багрово-красным цветом лица. Все это дополнялось крайней раздражительностью, мстительностью и тщеславием.

По распоряжению Никона вновь были исправлены тексты богослужебных книг, двуперстие заменено троеперстием, движение вокруг аналоя в церкви производилось теперь не по ходу Солнца, а против него, изменялся и целый ряд других церковных обрядов. Для многих верующих это было великим грехом, посягательством на незыблемые религиозные устои. На защиту их встали священники Неронов, Вонифатьев, Логгин, Лазарь и Аввакум.

Аввакум Петров

Аввакум подвергся репрессиям за свои проповеди сразу же после ареста Ивана Неронова. *«Посадили меня на телегу и растянули руки и везли — от патриархова двора до Андроньева монастыря, — писал он в своем „Житии“. — И тут на цепи кинули в темницу, и сидел три дня, не ел, не пил, — во тьме сидя, кланялся, не знаю: на восток ли, на запад. Никто ко мне не приходил, только мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно».* (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Горький, Волго-Вятское книжное издательство, 1988).

Протопоп мог умереть, если бы не боярыня Феодосия Морозова, которая потом сама скончалась от голода в грязной яме. Но это случится через 20 с лишним лет — осенью 1675 года.

А тогда, в сентябре 1653 года, Аввакума сослали в Тобольск. Затем шесть лет он состоял при воеводе Афанасии Пашкове, посланном для завоевания Даурии. Но Пашков всячески измывался над Аввакумом и его семьей. Бил его самолично и по щекам, и по голове, и кнутом. *«Ко всякому удару молитву говорил, — писал протопоп, — да среди побой вскричал я к нему: „Полно бить-то!“ Так он велел перестать, оттащить меня в дощаник. Сковали руки-ноги и кинули. Осень была, дождь шёл, всю ночь под капелью лежал»* (там же).

В другой раз отрезали у него бороду. *«Волки, — ругал своих обидчиков Аввакум. — Один хохол оставили, что у поляка, на лбу. Везли не дорогою в монастырь, болотами, да грязью, чтобы люди не ведали. Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят»* (там же).

Однажды супруга Аввакума не выдержала.

— Долго ли, протопоп, мучения будут? — спросила она.

— До самой смерти, Марковна, до самой смерти, — ответил Аввакум.

В 1661 году царь Алексей Михайлович «амнистировал» «Никонова вражину» и позволил ему вернуться в Москву. Но он добирался в Белокаменную почти три года. По пути проповедовал своё учение.

Поначалу царь демонстрировал своё расположение к протопопу, однако вскоре убедился, что Аввакум не личный враг Никона, а принципиальный противник церковной реформы. Да и сам Аввакум к своему ужасу понял: никонианство пустило глубокие корни. Многие россияне побоялись, как он, высказать свой протест против церковных реформ. Из-за одной дополнительной буквы в имени «Иисус» они не хотели попадать в застенки, на дыбу, в огонь.

«Тишайшему», как называли Алексея Михайловича, хотелось привлечь на свою сторону «ревнителя благочестия», пользовавшегося популярностью в народе за свою неустрашимость. К Никону он охладел. В 1666 году патриарх будет отрешён от сана и отправлен в дальний монастырь.

Но он пока ещё у штурвала власти, и с его подачи направляется жалоба царю на протопопа, который в своих проповедях сильнее прежнего *«стал укорять и ругмя ругать архиереев,*

хулить четырехконечный крест» и отвергать возможность спасения по «новоисправленным богослужебным книгам».

В 1664 году Аввакум был сослан в Мезень, где продолжил свою борьбу с Никоном и его сподвижниками. Здесь он стал называть себя *«рабом и посланником Иисуса Христа»*, проклинал *«немецкие поступки и обычаи»*. Но спустя полтора года его снова вернули в Москву – открывался церковный Собор, и архиереи ещё раз хотели попытаться склонить мятежного протопопа на свою сторону.

Тщетно! Аввакум Петров, как явствует из сохранившихся документов того времени, *«покаяния и повиновения не принёс, а во всем упорствовал, а еще и освященный Собор не провославным называл»* (Ремизов А. М. Звезда надзвёздная. Санкт-Петербург, издательство «Росток», 2018).

Аввакума расстригли и проклинали за обедней, в ответ на что поп-расстрига провозгласил анафему реформаторам.

– Что ты так упрям? – никак не могли понять священнослужители. – Все тремя перстами крестятся, один ты упорствуешь.

Аввакум, не слушая своих противников, неожиданно улёгся на полу. Он знал точно: если не цепляться за любое старое слово, за любую букву, за то же самое двуперстие, можно лишиться самого заветного, самой души России.

– Устал я, – сказал он. – Вы тут посидите, поговорите, а я полежу.

Но участь Аввакума и его соратников была решена. Многих из них казнили. Аввакума же только били кнутом и сослали в Пустозёрск, на хлеб и воду, в земляную тюрьму. Когда на престол вступил сын «тишайшего» Фёдор, протопоп отправил ему дерзкое послание, в котором поносил Алексея Михайловича и патриарха Иоакима. *«Бог судит между мною и царем Алексеем, – писал Аввакум. — Иноземцы, что знают, что ведано им, то и творили. Своего царя, Константина, потеряв безверием, предали турку, да и моего, Алексея, в безумии поддержали»* (Житие протопопа Аввакума).

Фёдор Алексеевич воспринял эти слова как угрозу существующему режиму и *«за великие на царский дом хулы»* приказал сжечь протопопа. (Малышев В. И. Материалы к «Летописи жизни протопопа Аввакума». Древнерусская книжность. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Москва-Ленинград, издательство «Наука», 1954).

Поплатились своей жизнью и его единоверцы. Староверы считают их мучениками. Есть иконы, изображающие Аввакума.

Предтеча Пушкина

В своей земляной пустозёрской тюрьме Аввакум написал 43 сочинения, 37 из которых были опубликованы в конце позапрошлого века Н. Субботиным в «Материалах для истории раскола». И литераторы тех лет были в шоке. *«Это Пушкин семнадцатого столетия!»* — восклицали они. – *«Именно он заложил основы современного литературного русского языка»* (Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. Русская речь. Сборник статей. Петроград, 1923).

Мысль об Аввакуме сопровождала раздумья Максима Горького на протяжении многих лет. Восторженно цитировал он слова Аввакума о его любви к простому русскому языку, которым он так великолепно пользовался в «Житии», в своих многочисленных посланиях.

Ещё ранее, в 1895 году, аналогичные мнения о желательности включения сочинений Аввакума в учебники высказывал Л. Н. Толстой. Значение Аввакума как замечательного и своеобразного стилиста многократно подчеркивалось и другими крупнейшими русскими писателями – Иваном Тургеневым, Фёдором Достоевским, о нём писали Иван Гончаров, Николай Лесков, Иван Бунин. *«Говоря о «Слове о полку Игореве» и об автобиографии Аввакума, Д. Н. Мамин-Сибиряк заметил: «по языку нет равных этим двум гениальным произведе-*

ниям» (Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания, русских писателей XVII века. Исследования и тексты. Москва, издательство Академии наук СССР, 1963).

Но Аввакум был ещё и великим провидцем. *«Освятится русская земля кровью мучеников»*, – писал он в своем «Житие». И как в воду глядел. Сам был мучеником, а сколько было мучеников после него, никто не считал. Но выжила Русь, живёт, как он предсказывал.

ГЕРОЙ АНЕКДОТОВ

Наверное, лет двести, если не больше, анекдоты о поручике Ржевском смешили россиян. Это был такой же национальный герой, как, скажем, Тиль Уленшпигель или храбрый солдат Швейк. Но оказывается, реальный Ржевский всё же существовал. Он с 1719 по 1729 год исполнял обязанности нижегородского губернатора. И к Александру Сергеевичу Пушкину имел отношение — был его прапрадедом. Вот такая любопытная диспозиция.

Пушкинские корни

Предки Александра Сергеевича Пушкина жили на Нижегородчине. Как с отцовской, так и с материнской сторон. *«Пушкины — дворянский род, происходивший от легендарного выходца „из немец мужа честна Ратиш“, потомок которого в седьмом колене, Григорий Александрович, прозванный Пушка, был родоначальником Пушкиных»,* — говорится в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Нижегородский край в словаре Брокгауза и Ефрона. Нижний Новгород, издательство «Нижегородская ярмарка», 2000).

С Пушкиными понятно. Но откуда же взялся Ржевский? Когда в 1719 году из Казанской губернии выделилась Нижегородская, Петр I назначил Нижегородским вице-губернатором капитана-поручика Преображенского полка Юрия Алексеевича Ржевского, чтобы он помог епископу Питириму обуздать мятежных раскольников, обосновавшихся в керженских лесах.

Духовному лицу прибегать к репрессиям как-то не пристало. И Ржевский принял крутые меры. В частности, вынужден был отречься от своих взглядов видный идеолог старообрядчества Александр по прозвищу Диакон, впоследствии обезглавленный; многочисленные его приверженцы мужского пола были отправлены на каторгу, а женщины — в монастыри.

Но были на счету капитана-поручика и добрые дела. В 1722 году в Нижнем Новгороде началось строительство верфи. 245 военных судов пополнили флотилию Петра I. Было окончено сооружение Алексеевской церкви на Благовещенской площади, ликвидированы последствия большого пожара...

Как сообщал энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Ржевские *«вели свою родословную от Рюриковичей, а затем — от смоленских князей, владевших когда-то городом Ржевом»*. Юрий Ржевский родился в 1674 году. Родители его были близки к Милославским, а, следовательно, к царевне Софье. Ржевский служил стольником в царской семье, учился морскому делу в Венеции (Нижегородский край в словаре Брокгауза и Ефрона. Нижний Новгород, издательство «Нижегородская ярмарка», 2000).

У Ржевского были три сына и четыре дочери. Одна из дочерей, Сарра, вышла замуж за Алексея Фёдоровича Пушкина. В браке у них родилась дочь Мария, которая впоследствии вышла замуж за Осипа Ганнибала.

Их дочь, Надежда Осиповна Ганнибал, в 1796 году связали супружеские узы с Сергеем Львовичем Пушкиным — отцом поэта (там же).

Пирог с тараканами

Но возникает много вопросов. Вот только один: почему анекдоты связаны именно с Ржевским? Но вразумительных ответов нет и быть не может. По каким критериям выбираются герои анекдотов, не ведомо никому. Кто объяснит, например, отчего расхожими персонажами народного фольклора стали Чапаев и Петька или Штирлиц?

Первый анекдот, где фигурировал Юрий Алексеевич Ржевский, появился в 1722 году, когда Петр I во второй раз за время своего царствования посетил Нижний Новгород. Заглянул и к губернатору, который жил рядом с Часовой башней кремля.

Ржевский встретил его, как подобало. Слепой музыкант играл на бандуре, пленные шведы плясали, а высоких гостей усадили за обеденный стол. И в числе прочих блюд подали блинчатый пирог особой выпечки.

Царь уже отяжелел, пирог есть не стал. А наутро, когда Ржевский самолично разрезал его, из нутра пирога один за другим выбежало с десятков тараканов...

С того дня бывший капитан-поручик Преображенского полка, учившийся морскому делу в Венеции, стал героем анекдотов, к которым вряд ли имел какое-то отношение. Но так уж повелось на Руси, что анекдоты следуют сериями, а герои их одни и те же...

Серп он отправил в отставку

Сочинители баек вспомнили об указе Ржевского, подписанном им в 1721 году. И не преминули использовать его для очередного анекдота. А указ этот был весьма примечательным. Нижегородский губернатор запретил убирать хлеб серпом. Крестьянам предлагалось пользоваться косой. Заслушание следовало наказанием батогами.

Ржевский лично следил, чтобы его распоряжение исполнялось. Когда сарафанное радио сообщало, что губернатор выезжает с инспекторской проверкой, серп откладывали в сторону, а когда начальство исчезало, снова доставали — так убирать хлеб было привычнее. Да и колосья зерно не теряли.

Почему царь обиделся

Анекдоты связывают это с пресловутыми тараканами. Якобы слухи о них дошли и до Петра, а он отмечал в Нижнем Новгороде свое пятидесятилетие, посему и обозлился на Ржевского. Но на самом деле это не так. Ржевский был нечист на руку и запускал ту самую нечистую руку в государственную казну. Во всяком случае, жалобы на него в Сенат стали приходить десятками.

Одному из сенаторов, Семёну Салтыкову, поручили вести следствие о «неисправах». Тот сделал вывод: губернатор *«пошалил изрядно»* (Куприянова Н. И. Ржевский Юрий Алексеевич. Нижегородский край: Факты, события, люди. Нижний Новгород, 1997). Только при проведении переписи населения он прикарманил свыше 60 тысяч рублей — громадные по тем временам деньги. И Сенат постановил: доставить Ржевского в столицу, а *«покамест означенное дело следствием окончится, до тех пор он Ржевского не токмо в Нижний, никуда с Петербурга не отпускать»* (Центральный архив Нижегородской области – ЦАНО).

Следствие продолжалось долго. Закончилось оно только тогда, когда герой анекдотов тихо отошёл в мир иной. Имущество его конфисковали, всё, что осталось у наследников нижегородского губернатора, так это только байки о бывшем капитане-поручике.

«БИЗНЕС-ПЛАН» АРХИМАНДРИТА

Теперь самое время рассказать о Питириме. Он был люб государям. После смерти «птенца Петрова» в мае 1738 года российское правительство особым указом предписало всем церквям и монастырям «совершать по нём поминовение в третины, девятины, полусорочины и сорочины». Прах его был с пышными почестями погребён в Нижегородском Преображенском соборе. А раскольники ругали его ругмя, проклинали и после смерти, задушевно называя «кровавым псом» и «гнусным гонителем». Так неоднозначно воспринимался епископ нижегородский Питирим.

Казнён по наводке

С Оки дул пробористый мартовский ветер, юркой змеей проползал между скороспелых построек сырой туман – в такую погоду и шелудивого пса хозяин на двор не выгонит, – но на площади у храма Иоанна Предтечи колыхалось людское море. Тут были и городской голова, то бишь, бургомистр, по-новому, и вся знать, и зимогоры-бурлаки, и мещане, и безродные бродяги-нищие, и случайные зеваки, и каждый смахивал невзначай набежавшую слезу: казнят как-никак расколоучителя, почтенного человека.

Стрельцы в серых ферязях на меху, в скрипучих, густо смазанных дегтем сапогах, цокая, как лошади, подковами, двигались вереницей нарочито медленно. Казалось, что это – незрячие маски, танец привидений. Скрестив впереди секиры, они подняли по истертым ступеням на лобное место согбенного, сломленного изощренными пытками человека, для которого смерть была избавлением от дальнейших мучений. Он уже мало что понимал, мутным взором обводя плотную стену сгрудившегося народа, застывшую в долгом молчании. Или действие происходит уже не в этом мире, и он видит слетевшиеся со всех сторон души таких же, как он, страдальцев?

Действительность перемешивалась с нереальностью, и было невозможно их разделить. Ещё вчера осужденный на смерть намеревался что-то сказать напоследок, но сегодня скомкал в себе эти слова – не было никаких сил.

Да, наверное, ему бы и не позволили. Палач сбросил тулуп и остался в одной красной шелковой рубахе с опояской. Чернявый, румянощекий, с какими-то рачьими вылупленными глазами, он повалил несчастного на колени. Коротко сверкнуло лезвие топора, и голова раскольника покатила по дощатому помосту, заливая его чёрной кровью...

Так 21 марта 1720 года закончил свою жизнь 45-летний Александр Диакон, казненный по указке Нижегородского митрополита Питирима. Оба недруга предали веру, которую исповедовали вначале. Питирим был раскольником, но потом принял православие «по Никону». Александр, родом из нерехтских посадских людей, служил диаконом в тамошнем Владимирском монастыре. Но его донимали многие сомнения, и в 1703 году, как он признавался на «распросе», «*страстно желая узнать истину*», бросил свое место и ушел к раскольникам в чернораменские леса. Здесь он жил во многих скитах на послушании, а в 1709 году был пострижен в монахи (ЦАНО).

Со временем Александр Диакон стал одним из духовных вождей раскола. А когда он в 1716 году стал распространять рукописные «*ответы против Питирима*», то собственноручно подписал себе смертный приговор. 12 февраля 1720 года по указке Нижегородского митрополита его арестовали. После изуверских пыток Диакон был казнен. Тело его сожгли на костре, а прах развеяли над Окой (ЦАНО).

Рожденный раскольником

Точные дата и место рождения Питирима, его мирское имя установить до сих пор не удалось. То ли шифровался, не исключая возможности, что раскольники могут отомстить его близким, то ли утеряны церковные книги. Ориентировочно он появился на свет около 1665 года где-то в окрестностях Нижнего Новгорода в простой крестьянской семье.

Родители Питирима придерживались старой веры, в ней воспитали и сына. Когда увидели, что он проявляет тягу к чтению, отправили его к своим родственникам – в Польшу, в Стародубенскую область, где беглые российские раскольники нашли приют во владениях пана Хлецкого. Здесь, по берегам реки Ветки, образовалось со временем целое поселение староверов, где бережно сохранялись дониконианский церковный обряд, древние традиции богослужения, церковные распевы, а самое главное – хранились старинные книги, которые не успели сжечь поборники новой веры, а также другие реликвии. Только библиотека Покровского монастыря насчитывала почти тысячу томов – в основном учебные псалтыри и часословы для существовавшей при монастыре школы. А может быть, и больше. Спустя три века экспедиция Московского университета собрала в районе Ветки несколько сот старопечатных и рукописных книг, среди которых попадались и литературные произведения. Это свидетельствует о том, что Ветка была не только духовным центром, но и центром народной культуры, хранившим и передававшим из поколения в поколение вековые традиции.

Именно в Покровский монастырь и попал Питирим. Здесь он принимает пострижение, предается своему любимому занятию – чтению духовных книг.

Но на Ветке было беспокойно. Сюда под видом раскольников устремились и беглые холопы. Для Петра I Стародубское поселение было как кость в горле. Он давно уже вынашивал планы стереть его с лица земли.

Монахи хорошо это понимали. И хотя разгром Ветки произошел значительно позже (в 1735 году), они заранее стали намечать пути отхода, готовить своих «резидентов», которых засылали в иные края.

Одним из таких «резидентов» был Питирим. Он, по идее, должен был стать вождем раскола в керженских лесных скитах. И вскоре туда направился.

Тайна за семью печатями

Дальше в биографии Питирима – белое пятно. Несколько лет о нём ничего не было известно. Где находился, чем занимался – непонятно. Краевед Виталий Колесников из Мордовии нашёл документы, свидетельствующие о том, что Питирим был взят под арест то ли еще на польской границе, то ли уже на подходе к староверческим скитам и содержался в Саранском остроге. Но пребывал он за решёткой всего лишь около месяца, после чего *«был отпущен»* (Морохин А. В. Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим. Нижний Новгород, издательство «Книги», 2009).

Вот это-то и настораживает. Есть версия, что Питирим на Ветке выполнял шпионскую работу. Раскольников, тем более тех, кто претендовал на роль духовных пастырей, просто так из темниц не выпускали. Яркие примеры – протопоп Аввакум, его единомышленник Неронов, боярыня Морозова, её сестра Евдокия Урусова...

Неожиданно Питирим обнаруживается в Переяславском Никольском монастыре, принадлежавшем Ростовской Епархии. Здесь он жил в звании строителя и был ревностным поборником новой веры. Как он так быстро сумел перекраситься, те, кто его знал раньше, не могли себе даже представить.

Любимец Петра

Пётр I предателей не жаловал. Даже сына своего казнил. А тут – какая-то непонятная любовь. Именно государь-император пригрозил Питирима. И он отряжает его в Нижний Новгород для искоренения раскола.

Поначалу деятельность епископа носила чисто миссионерский характер. Для обращения староверов в православие Питирим прибегал исключительно только к увещаниям. Он издает 240 ответов на раскольничьи вопросы, но книжку эту в скитах принародно жгли на кострах, воздавая должное автору, как предателю, и Питириму было очень обидно.

А Пётр между тем требовал каких-то конкретных результатов. И Питирим пришел к мысли о том, что искоренять раскол нужно огнём и мечом.

В 1715 году был издан государев указ, в котором те, кто вольно или невольно препятствовали Питириму в деле обращения раскольников в «правильную» веру, должны были караться смертной казнью. Но епископу этого было мало. В своем «доношении» императору он подчеркивал, что староверы – вредные люди не только с религиозной, но и с государственной точки зрения.

Этих врагов было много – больше 200 тысяч. И Питирим предлагает своего рода «бизнес-проект». По его мнению, *«не явным промыслом смирать»*, то есть казнить, надо только расколоучителей, духовных лидеров, а остальных наказывать деньгами – *«с них ежегодно двойной оклад должен быть правим»* (Костылев В. Питирим. Москва, Гослитиздат, 1936).

Идея Петру понравилась. Дополнительный приток денег в казну был не лишним. Забегая вперед, скажем, что едва ли не половина северной столицы построена как раз на средства, выбитые из нижегородских раскольников. Только в 1719 году Ржевский и Питирим принесли в казну 18 тысяч рублей. Сколько присвоил себе Ржевский – неизвестно. Тех, кто отказывался платить, секли кнутом и отправляли на каторжные работы.

В 1717 году Питирим стал архимандритом, в 1719 году – епископом Нижегородским и Алатырским, а спустя пять лет был возведён в сан архиепископа. Но после смерти Петра Питирим искоренял раскол уже не с таким рвением, как раньше. Всего, как свидетельствуют документы, он обратил в недра Церкви Христовой свыше 8 тысяч человек (ЦАНО). Но сколько отправил на тот свет, история умалчивает.

Вместо эпилога

Семь веков простоял на нижегородской земле Преображенский собор, где был похоронен Питирим. В 30-х годах прошлого века его взорвали большевики. Теперь у митрополита нет могилы.

НАСЛЕДНИКИ ВАРВАРОВ

Заметка под рубрикой «Наследники» и снабженная заголовком «Рождение новой традиции», довольно долго кочевала по различным изданиям. Я прочитал её в нижегородском выпуске газеты «Труд» ещё в марте 2004 года. Она привела в полное недоумение. «В Выксе, — сообщила газета, — чтут память Ивана и Андрея Баташёвых, создавших в свое время славу этому городу и его мастерам. Их именем назван фонд, начавший свою деятельность».

Стоит напомнить

Сначала это показалось розыгрышем. Но газета вышла не 1 апреля. И все было до предела реально. Президент Объединенной металлургической компании, в которую входит Выксунский металлургический завод, Анатолий Седых уже успел поощрить медалями с изображением братьев Баташёвых, грамотами и денежными премиями 26 лучших работников предприятия...

И тут пришла в голову печальная мысль: неужели жители Выксы начисто забыли свое прошлое?

В связи с этим стоит напомнить некоторые вехи истории юго-западной части Нижегородчины.

Начало добычи железа в этих местах связано с именами муромских посадских людей Данилы Железнякова и братьев Мездряковых. Ещё при Петре I они организовали у речки Сноведь добычу руды примитивным способом — просто из вырытых ям. Но окрестные леса кишели разбойниками, и рэкетиры восемнадцатого века обложили муромчан непомерной данью. Добычу руды пришлось свернуть.

В шестидесятых годах про рудные места на Сноведи прознали. туляки — братья Иван и Андрей Баташёвы. Правдами и неправдами они выпросили у правительства «для деловой надобности» большой участок земли, купили в кредит несколько заводов на Урале и силком вывезли оттуда всех работавших — почти три тысячи человек. Более того, опустевшие заводы мошенники умудрились заложить в казну. Так, обманом они сколотили свой первоначальный капитал.

Хищники

Дальше братья начали хищнически вырубать леса, запрудив речки Выксу, Железницу, Велетьму и другие. Благодаря дармовой рабочей силе, которую крепостники нещадно эксплуатировали, как грибы после теплого дождика, выросли заводы: Выксунский железнорудный, Велетьминский железоделательный, Сноведский прокатный... В 1773 году подкупом и обманом Баташёвы стали монополистами по поставке для армии орудий и ядер. И нажили на этом немалые деньги.

Авантюристам несказанно везло. В своей вотчине они чувствовали себя маленькими царьками. Могли позволить себе то, что не дозволялось другим. «*Их деятельность, — писал краевед Дмитрий Смирнов, — полная преступления, бесчинств и самого наглого попираательства человеческого достоинства, вошла в историю, как одна из самых мрачных страниц русского предпринимательства*» (Смирнов Д. Н. Очерки жизни и быта нижегородцев XVII — XVIII веков. Горький, Волго-Вятское книжное издательство, 1971).

Себе ни в чём не отказывали

На берегу одного из прудов была заложена усадьба Баташёвых, построен огромный по тем временам трехэтажный дом-дворец, закатывались званые обеды. Однажды повар братьев Баташёвых Селиван сотворил настоящее чудо. На пасхальный стол было водружено изысканное блюдо — жареный лебедь. Когда стали разрезать фаршированную птицу, внутри оказались

яйца, а в каждом яйце – мясо тушёного бекаса. Ещё один надрез – и вылетела стайка воробьёв – по числу гостей. На шеях воробьёв были прикреплены ленточки с именами и миниатюрными подарками. Нужно было только поймать птичку...

Дом Баташёвых, как писала Валентина Баулина в книге «Сады и парки Горьковской области», был украшен *«декоративными деталями, созданными крепостными художниками и скульпторами, а также мастерами по художественному литью, приглашенными из Франции»* (Баулина В. В. Сады и парки Горьковской области. Горький, Волго-Вятское книжное издательство, 1981). В «Экономических примечаниях к генеральному межеванию земель» 1810 года усадьба описывалась весьма подробно. Здесь был *«регулярный сад с плодовитыми деревьями, овощи с оного употреблявшиеся для домашнего господского обиходу, и зверинец, в коем содержатся олени и дикие козы»*. В оранжерее росли диковинные растения: ананасы, абрикосы, лимонные и померанцевые деревья, виноград. Территорию парка украшали мраморные скульптуры, созданные по мотивам греческой мифологии, красивые фонтаны, висячие беседки, эоловы арфы, мраморные гроты. Аллеи парка были иллюминированы различными фонариками. Для развлечения гостей были сооружены качели... (ЦАНО).

Неугодных превращали в пар

Все это великолепие создавалось рабским трудом. *«Рудокопатели, — писал будущий академик Иван Иванович Лепёхин, — в деловую пору получают на день по восьми копеек, а в другое время по пяти»*. (Лепёхин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства. Санкт-Петербург, издательство Императорской Академии наук, 1771—1805).

Столько же платили и работавшим на заводах. Этого едва хватало на прокорм семьи, а работать же приходилось порой по 20 часов — на сон полагалось всего четыре часа. Техники безопасности не было никакой. Каждый день кого-нибудь хоронили. А тех, кто пытался сказать хоть слово поперек хозяевам, переводили на домны, куда их сталкивали как бы нечаянно. Человек в какие-то доли секунды превращался в пар.

Не гнушались Баташёвы и фальшивомонетничеством. На них работала целая бригада мастеров в подземелье господского дома. Легенда, записанная В. Н. Морохиным со слов Зинаиды Алексеевны Прокофьевой в 1949 году, рассказывает, что *«царице (Екатерине II, – С. С.-П.) кто-то об этом донёс, и она послала своих людей проверить, так ли донесли. Когда проверяющие приехали в Выксу, Баташёвы загнали своих фальшивомонетчиков в подземный ход, что якобы под главной аллеей парка находился, а вход в это подземелье приказал заложить камнями и наглухо замуровать. Рабочие эти там и погибли»* (Нижегородские предания и легенды. Горький, Волго-Вятское книжное издательство, 1971).

Список преступлений Баташёвых так велик, что не уместится на газетную страницу. Вот только один факт. Заручившись царским разрешением (есть основание полагать, что оно было поддельным) искать руду в любом месте, братцы таким образом мстили своим обидчикам. Посылали бригаду своих приспешников, и те перекапывали дворы, сады и поля не угодившего им человека. Однажды Андрей Баташёв пригласил своего соседа в гости — якобы для примирения. А пока шла беседа, дом помещика разобрали по бревнышку, вспахали землю и посеяли рожь. Вернувшись к своим родным пенатам, которых уже не было и в помине, сосед Баташёвых повредился рассудком (там же).

Чужими руками

До сих пор считается, что Баташёвы немало сделали для Выксы. Но, собственно говоря, сделали чужими руками. Пять искусственных озер-прудов, располагавшихся каскадом (нигде в мире такого нет!), соорудил крепостной мастер Марко Попов. Водяные мельницы, валы которых приводили в движение заводские механические устройства, сконструировал сын Марко

Попова Василий, тоже крепостной. Цилиндрические меха — слесарь Колынин и мастер Ястребов. По расчетам и чертежам другого мастера, Максима Горностаева, заработала первая проволочная фабрика...

Не стоит, наверное, продолжать дальше. Фонд, учрежденный металлургами Выксы, не достоин носить имя садистов и мошенников. Они пролили столько крови и выплеснули в мир столько зла, что если их спрессовать, это будет сопоставимо с годовым выпуском чугуна на Выксунском металлургическом.

«ДОБЫЙ СТАРИЧОК»

В 1771 или в 1772 году в семье купца-солепромышленника родился будущий профессор российской словесности Григорий Николаевич Городчанинов. Забытый напрочь.

До середины позапрошлого века центральное место в гробнице Козьмы Минина в Ахрангельском соборе Нижегородского кремля занимала бронзовая доска с выбитой на ней надписью:

*Россия похвала и вечна слава честь,
Се Минович Козьма здесь телом почивает, —
Всяк истинный кто Росс, да прах его лобзает.*

Эти вирши, которыми восторгался тогдашний литературный гранд Гаврила Державин, были сочинены Григорием Городчаниновым. *«Стихи Ваши поистине весьма живы, имеют в себе столь много огня и благозвучия, что везде Вам честь приобрести могут»*, — писал Державин Григорию Николаевичу за год до того, как благословил на поэтические подвиги Александра Пушкина (Михайлов О. Державин. Москва, издательство «Молодая гвардия», 1977).

Городчанинов к тому времени успел закончить Нижегородскую духовную семинарию. В 16 лет перевёл с французского авантюрную повесть «Жизнь и приключения одного молодого из знатнейших турков, или фортуна, играющая человеком». После этого поступил в Московский университет, который закончил в 1797 году. Это совпало с выходом в свет его повести «Добродетельный богач». Вскоре в журнале «Новые ежемесячные сочинения» были напечатаны его элегии, посвященные Овидию, которые, как утверждают литературные критики, послужили мотивом для рождения так называемого «Овидиевого цикла» Александра Пушкина. В том же 1797 году Григорий Николаевич перевёл с французского по заказу Главного управления почтовых дел многотомный труд аббата Рейналя «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях». В 1805—1811 годах этот труд по приказу Александра I переиздавали неоднократно.

В 1798 году Городчанинов разразился «Одой императору Павлу I на новый 1799 год», рыцарским романом, героической поэмой «Рейнальд», комедией «Митрофанушка в отставке», пародировавшей знаменитую пьесу Фонвизина «Недоросль». За всё это он был пожалован золотыми часами с бриллиантами, которые Павел снял со своей руки, а за оду на восшествие на престол Александра I — массивным золотым перстнем «с императорским тиснением». Таких наград не удостоивался ни один стихотворец тех лет. Но надо прямо сказать: стихи Городчанинова стихами назвать трудно. Значительно большую ценность представляют его проза и переводы.

В 1805 году Городчанинова постигло несчастье. Сначала он овдовел, а потом вынужден был из-за тяжелого материального положения отдать на воспитание в чужую семью любимую свою дочь, которой несколько раньше посвятил «драматическое действие для детей» «Кукла Лизанька, или награждённое прилежание».

Отныне он всё своё время посвящает тому, чтобы заработать себе на пропитание. Но вскоре нищета кончается. В сентябре 1806 года его утверждают адъюнктом по кафедре красноречия, стихотворства и языка Казанского университета.

К сожалению, преподавательская карьера Григория Николаевича не заладилась с самого начала. Среди его студентов был, в частности, будущий писатель Сергей Аксаков, который, не жалея эпитетов, называл Городчанинова человеком бездарным и отсталым, «застывшем на образах Ломоносовского периода» (Темирова А. Певец семьи и Отечества. Журнал «Родина», 2005, №12).

Это действительно так. «Добрый старичок», как называли Городчанинова студенты, позаимствовав это выражение у автора до сих пор читаемого романа «Ледяной дом» Ивана Лажеч-

никова (Лажечников И. И. Сочинения, т.12, Санкт-Петербург-Москва, 1884), крыл почём чем зря и Пушкина, и Карамзина, и всех остальных, кто не вписывался в стандарты Ломоносовской эпохи.

В краеведческом музее Балахны (это родина Городчанинова) хранится его стихотворение, озаглавленное «К гражданину Минину». Начало его такое:

*О, Минин! Гражданин родной моей страны,
Почтенной древностью мне милой Балахны,
Где первым бытия лучом я озарился,
У добрых сограждан где добрым быть учился...*

Неужели это поэзия? Даже для современников пиита его слог казался архаичным. Но Пушкин, которого Городчанинов не любил всеми фибрами своей души, познакомившийся с ним в 1833 году, слушая его стихи, по свидетельству автора «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля, «несколько раз громко на всю комнату восклицал: «Прекрасно, превосходно!» (Даль В.И, Полное собрание сочинений. Санкт-Петербург, издательство Вольфа, 1897—1898).

Неужели Александр Сергеевич мог погрешить против истины? Или это была ирония?

СТРАННИК ПОНЕВОЛЕ

В 1787 году, в Санкт-Петербурге вышла в свет книга, вызвавшая шок среди читателей. Называлась она «Нещастныя приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год».

Обобрали меня, обобрали...

Василий Баранщиков родился в семье бобылей Благовещенского монастыря в 1755 году. Дед его, Игнат, владел кожевенным заводом.

В отличие от своих братьев, Андрея и Ивана, Василий Баранщиков *«упражнялся в торговом промысле»*, записавшись в купеческую гильдию. Товар продавал в разных городах (Здесь и далее цитируется по его книге «Нещастныя приключения...» — С, С.-П.)

В январе 1780 года с двумя возами кож он отправился в Ростов Великий. Но здесь его обобрали — еле-еле добрался домой без копейки денег. В Нижнем Новгороде его хотели упрятать в долговую яму кредиторы. И незадачливый купец пешком отправился в Петербург на заработки, чтобы расквитаться с долгами.

Белый раб

В столице Баранщиков договорился с генералом Петром Барабриком *«быть на его отъезжающем во Францию с мачтовым лесом корабле матросом»*. Однако в Копенгагене его обманом заманили на другое судно, следовавшее в Пуэрто-Рико, и заковали в цепи.

Это был корабль датских работорговцев, охотников за живым товаром. И занимались этим промыслом они давно. В их лапы попал и великий земляк Баранщикова, Михайло Ломоносов. Только необычайная физическая сила, смелость и деньги спасли его — он сумел бежать, подкупив тюремщиков. А вот лекарю Федору Каржавину повезло меньше. В качестве белого раба его много лет держали на острове Мартиника, который считался французской колонией.

У Баранщикова денег не было. Никого подкупить он не мог. Его вместе с пятью немцами из Данцига и шведом из Гётеборга держали в трюме. Одна была надежда — на таможенную стражу. Если будет досматривать — пленники признаются, что их похитили. Но капитан датского судна сумел откупиться, досмотра не было.

Когда корабль вышел в море, Баранщикова и других его товарищей по несчастью расковали и заставили работать. Огни Эддистонского маяка растаяли за кормой.

Судно держало курс на Вест-Индию. В июне 1781 года оно пришвартовалось к причалу острова Святого Фомы. Это были тропики: с берега доносился аромат цветущего лавра и сандалового дерева.

Здесь Баранщикова ждал ещё один сюрприз. На него силком надели солдатский мундир и дали другое имя. Поэтому когда он принимал присягу на верность датскому королю, понимал, что тут можно слукавить. Ведь он расписался не своей фамилией.

Но гарнизонная служба на острове Святого Фомы продолжалась недолго. Вскоре сюда прибыло испанское судно, и супруге коррехидора (губернатора, — С.С.-П.) Пуэрто-Рико приглянулся высокорослый солдат атлетического телосложения.

— Мне нужен кухонный слуга для тяжелой работы, — сказала она мужу. — Купи этого москвитя.

И Баранщиков стал собственностью испанского дворянина. Вернее, собственностью его жены. Она хотела заполучить его в свои любовники.

Пуэрто-Рико

Ранним утром яхта коррехидора бросила якорь в бухте города Сан-Хуан — губернской резиденции. Здесь на Баранщикова наложили клеймо — а вдруг сбежать надумает? В планы губернаторши это не входило. Клеймо подскажет, кому он принадлежит, в конце концов.

Работа на кухне была действительно тяжелой. Надо было заготавливать дрова, чистить огромные медные чаны, носить пресную воду, разделывать мясо, выжимать из разных фруктов соки для прохладительных напитков, выносить золу и закладывать в очаг дрова на завтрашний день, чтобы они просохли.

Баранщиков осваивал испанский язык — по-немецки и по-английски он уже кое-что понимал. И однажды его предупредили: слишком уж это подозрительно, не готовится ли он к побегу. А если это так, беглец будет отправлен либо на свинцовый рудник, либо на соляные промыслы, где работают только смертники. Но хозяйка белого раба спустила дело на тормозах.

Прошло полтора года. Наступил сезон дождей. Доносчики не унимались. Дуэнья сеньоры губернаторши, Матильда, которая следила за хозяйством, стала шантажировать свою госпожу, требуя с нее деньги за молчание. Она была в курсе любовных свиданий своей госпожи с белым рабом. При этом гонорары все время увеличивались, и супруга коррехидора решила избавиться от Баранщикова. Она упростила мужа освободить его. Тот выполнил её волю.

И вот Василий — свободный человек. Он нанимается матросом на генуэзскую бригадину. Его покровительница тайком передаёт ему кошелёк с деньгами.

Неудачный побег

1784-й год экипаж бригадины встретил неподалёку от Гибралтарского пролива. Но тут Баранщикова ждало ещё одно испытание. На его судно напали пираты. Это были турки. Они, не встретив сопротивления, в считанные минуты овладели бригадиной. Капитана убили, а матросов заковали в кандалы. Одних определили гребцами на галеры, а Василию снова отвели роль кухонного работника.

Но, оказавшись на берегу, Баранщиков сбежал. Шел, куда глаза глядят, втайне надеясь на счастливый случай. Увы, напрасно. Посланные за ним приспешники эфпенди Али-Магомеда нашли Василия в караван-сараях и привели его к хозяину.

— Почему ты задумал бежать от меня? — спросил он. — Разве тебе не хватало пищи? Разве тебе плохо жилось?

Баранщиков знал, что побег жестоко карается. Маячил смертный приговор, и беглец пытался оправдаться. Бил себя в грудь, заявляя, что заблудился. Но ему, конечно же, не поверили. Приговор был суровый: сто палок по пяткам. После этого целый месяц Василий передвигался только ползком.

Вторая попытка

И все-таки он сбежал снова. На базаре смешался с разноплеменной толпой, добрался до портового города Хайфы. И тут увидел корабль с греческим флагом. Нанявшись на него матросом, Баранщиков попал в Яффу, а затем и в Иерусалим. После этого путь его лежал в Стамбул.

Два месяца поработал он здесь грузчиком. Российский консул его не принял. Общение с российскими купцами закончилось тем, что нижегородца как шпиона попросту сдали полиции. И стал Баранщиков... янычаром. Выбора попросту не было: либо смерть, либо служба наемником.

Янычару надо было жениться. Василию подыскали невесту, которую он видел только в чадре. Но зато ему позволили переселиться в дом будущего тестя, турка Махмуда. Вскоре состоялась и свадьба. Но жена шпионила за «урусом» и обо всем, что он делал или собирался сделать, докладывала отцу. Хотя никакого криминала за ним замечено не было. За девять

месяцев пребывания в янычарском войске Баранщиков нёс караульную службу. Зато научился говорить по-турецки.

И тут счастье, наконец, улыбнулось. Он встретил русских дипломатом, направлявшихся в Россию. Они взять его с собой не могли, поскольку на границе сразу же возникли бы лишние вопросы, но растолковали Баранщикову, как через Стамбул попасть на Балканы. И Василий сбежал со своей службы прямо во время янычарского парада. На этот раз побег был успешным.

За долги расплатился гонораром

Он прошел Болгарию, Румынию и Польшу и был задержан на границе России секунд-майором Стояновым. Тот отправил Баранщикова на родину.

Но кредиторы требовали уплаты долга, а он к тому времени составлял 230 рублей. Пришлось продавать дом, а оставшуюся сумму нужно было погашать «на казенной работе» — на соляных варницах в Балахне. Так постановил городской магистрат, где старостой был... брат Василия Андрей.

Баранщиков обратился за помощью к нижегородскому епископу Дамаскину (Рудневу). Тот пожаловал ему 5 рублей и выхлопотал пропуск до Санкт-Петербурга. Здесь путешественник сумел издать свои «Нешастные приключения...».

Книга вызвала огромный интерес и за три года выдержала четыре издания. Автор её получил гонорар, денег хватило, чтобы рассчитаться с ростовщиками. Каторжной работы на варницах Василий Баранщиков избежал. Вся его жизнь и без этого была каторгой.

СТАРЫЙ ДОМ И ЕГО ХОЗЯИН

Этот дом на улице Ульянова Нижнего Новгорода, возведенный в конце XVIII века, только однажды подвергся перестройке – в 1874 году. Но эта перестройка не была кардинальной. Здание сохранило свой первозданный облик и является редким памятником эпохи классицизма. Здесь жил епископ Дамаскин (Руднев), которого в свое время называли великим просветителем.

Он переводил летописи на немецкий

Дамаскина при крещении нарекли Димитрием. Отец его, Симеон, был человеком духовного звания, жил в Москве. В 12 лет он отдал своего сына учиться в Крутицкую семинарию, а в 1752 году перевёл его в Московскую славяно-греко-латинскую академию, которую несколько ранее посещал Михайло Ломоносов.

Девять долгих лет длилось это обучение. Димитрий прошёл полный курс словесных, богословских и философских наук, как свой родной, русский, знал греческий и латинский языки. Он был в числе лучших учеников, что подтверждает соответствующий диплом.

Его «распределили» учителем риторики и греческого языка в ту же самую Крутицкую семинарию в Московском Покровском монастыре. Здесь он пробыл почти четыре года, после чего его вызвала сама императрица Екатерина II — она уже была наслышана о «втором Ломоносове».

28-летнему Димитрию Рудневу предстояла весьма ответственная миссия: стать наставником для четырех лучших студентов духовных семинарий, которые командировались для стажировки в Геттингенский университет. И в 1766 году он отправляется в первую в своей жизни заграничную поездку. Будущий нижегородский епископ не знал, что эта командировка растянется ровно на шесть лет.

Студенты, над которыми «надзирал» Руднев, исправно посещали лекции, а ему самому было скучно. И он, в конце концов, тоже стал вольнослушателем. Изучил в совершенстве немецкий и французский языки, а затем и древнееврейский. Заинтересовался естественными науками: физикой, математикой. По просьбе профессора Гаттерера перевёл на немецкий язык «Повесть временных лет», правда, не полностью. Этот перевод был напечатан в 1771 году.

Засланец императрицы

Вернувшись в Россию, Руднев получил звание профессора философии и словесных наук, был посвящён в сан епископа. Перед этим, в 1775 году, он подает прошение о пострижении в монашество. И в том же году, в сентябре, был пострижен в Николо-Перервинском монастыре с именем Дамаскин.

С июня 1778 года Дамаскин исполнял обязанности архимандрита Заиконоспасского монастыря, был ректором Московской духовной академии и профессором богословия, членом Московской канторы Святейшего Синода. В 1783 году его перевели в Нижегородскую епархию.

Задача у него была архисложная: подавить молчаливое сопротивление старообрядцев, приобщить к истинной вере язычников — мордву, татар, марийцев, чувашей и других иноверцев. Надо честно сказать: с этой задачей он не справился, да, а общем-то, и не хотел..

Мой дом — моя крепость

Сразу же после приезда Дамаскин озаботился о своём жилье. Пригласил из северной столицы архитектора Якова Ананьина, который вместе с Растрелли участвовал в проектировании и строительстве Зимнего дворца в Санкт-Петербурге.

Ананьин был на три года моложе нижегородского епископа. Родился в 1740 году в семье каменщика. Но каменщика привилегированного. Уже в четыре года был зачислен в Контору от строения царских дворцов и садов. Когда вырос, работал в Ораниенбауме и в Москве. В 1773 году возводил под Тулой дворцы-усадьбы внебрачному сыну Екатерины Бобринскому.

После встречи с Дамаскиным Ананьин был назначен первым в истории Нижнего Новгорода губернским архитектором. И сразу же взял с места в карьер. Организовал местное производство кирпича, извести, белого камня. Разработал проекты и построил здание гостиного двора, один из корпусов которого сохранился и сегодня, перепланировал территорию кремля, построил вице-губернаторский дом, банковскую контору, два корпуса гарнизонных казарм, церковь Всех Святых, усадьбу купца Костромитина на Большой Покровке...

После того, как епископ справил новоселье в новом доме, он субсидировал строительство еще одного двухэтажного корпуса (ныне здание консерватории). И вот теперь мы имеем то, что имеем: и дом покойного епископа и здание консерватории.

Очерки бursы по Дамаскину

Со староверами Дамаскин в открытую не воевал. Главное внимание он обратил на Нижегородскую духовную семинарию. То есть во главе угла поставил миссионерскую деятельность.

В губернии тогда было более тысячи храмов. И первым делом новый епископ повелел, чтобы священнослужители обучали грамоте своих недорослей *«от осьми до 15 годов»* и высылали их в семинарию. Ослушников Дамаскин грозился *«более не допускать до степени священства»* (ЦАНО). То есть путь даже в дьячки им был заказан.

Не мытьем, так катаньем, но цель была достигнута. Уже в 1785 году число семинаристов увеличилось втрое — со 160 до 450. Кроме того, в четырех уездных духовных училищах получали образование еще 250 человек. Они изучали не только богословие, но, как ни странно, историю и географию, философию, латинский и греческий языки. А Дамаскин ввёл еще и преподавание немецкого и французского, а также... мордовского, татарского, марийского и чувашского. Это была подлинная революция в образовании. Будущие священнослужители, обращая в христианство иноверцев, могли произносить проповеди на их родном языке. Между тем сам епископ корпел ночами над составлением «Словаря языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих». Один из экземпляров его был отправлен Екатерине, а другой хранится в библиотеке Нижегородской духовной семинарии. Он, кстати, содержит уникальные сведения о религиозных верованиях, традициях и обычаях народов Поволжья (ЦАНО).

Дамаскин собрал старопечатные книги в храмах, которые были обречены на слом. Некоторые из церквей интенсивно реставрировались. Из Казенной палаты было ассигновано на это дело около 5 тысяч рублей. Был составлен полный каталог всех семинарских книг, многие фолианты выписывались из Германии. Для обучения искусству переплетчика командировали семинариста в Москву.

...и вдруг руки у него затряслись

В Нижнем Новгороде Дамаскин прослужил епископом десять лет. Но в 1794 году его настигла болезнь. Судя по всему, болезнь Паркинсона, хотя Дамаскину было всего 56 лет. Руки его затряслись, он уже не мог проповедовать. И епископ запросился на покой. Местом своего последнего обитания выбрал Московский Покровский монастырь, где начинал свою духовную карьеру. Там 18 декабря 1795 года он и скончался.

В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ ОН БЫЛ «ШПИОНОМ»

1 января 1772 года в деревне Черкутино Владимирской губернии родился человек, которого называли гением русской бюрократии. Но судьба раскачивала его словно на качелях: то стремительно возносила к вершинам власти, то подвергала унижениям.

Священника из него не вышло

Михаил Михайлович Сперанский появился на свет в семье сельского священника. Рос он хилым, часто болел, родители даже не надеялись, что их первенец доживет до своего совершеннолетия. Но Сперанский опроверг все пессимистические прогнозы.

Его отдали учиться во Владимирскую духовную семинарию. Учебная программа этого заведения включала помимо богословских предметов математику, физику, риторику, латинский и греческий языки. В числе лучших учеников 16-летнего юношу перевели в Санкт-Петербургскую семинарию. Окончил её Сперанский в 1792 году, получив прекрасное по тем временам образование.

Некоторое время он преподавал физику, математику, основы ораторского искусства и философию в университете, но вскоре его заметил генерал-прокурор Куракин и взял в свои секретари. Так Михаил Михайлович стал титулярным советником.

Счастье было недолгим

В том же 1797 году Сперанский встретил свою единственную и неповторимую. Это была шестнадцатилетняя англичанка Элизабет Стивенсон, гостившая в России и совершенно не знавшая русского языка. Михаил Михайлович, в свою очередь, не мог произнести ни слова по-английски, и будущие супруги общались на ломаном французском. Впрочем, это не помешало им полюбить друг друга.

В 1798 году Сперанский и Элизабет Стивенсон обвенчались. У них родилась дочь, которую назвали Лизой, но Элизабет месяц спустя после появления на свет девочки умерла от скоротечной чахотки.

Михаил Михайлович думал, что такого удара судьбы он не вынесет. Мелькали мысли о самоубийстве, и он исчез из поля зрения современников, даже на похоронах любимой жены не появился. Нашли его, находившегося на грани безумия, только спустя 20 дней крестьяне, поехавшие в лес за дровами.

Сперанский так больше и не женился. Вылечившись от депрессии, он с головой окунулся в работу.

Сгубила зависть

В то время российский трон занимал Александр I. Его Михаил Михайлович называл *«суицим прельстителем»* (Томсинов В. А. Сперанский. Москва, издательство «Молодая гвардия», 2006), поскольку государь был по натуре своей двуличен и, по выражению историка Сергея Платонова, *«никогда не внушал уверенности, что он в данную минуту искренен и прям»* (Платонов С. Ф. Полный курс лекций по российской истории. Москва, издательство АСТ «Астрель», 2006).

После своей коронации царь постепенно отстранил от управления государством вельмож, принявших участие в заговоре против Павла I, создав так называемый «интимный комитет» из своих друзей: Новосильцева, графов Кочубея и Строганова, а также князя Чарторыжского.

Кочубей привлёк к работе над проектами новых законов Сперанского — секретаря ближайшего помощника царя, Трошинского. Из-под его пера и вышли все основные законопроекты.

Реформы начались в 1802 году. Старые коллегии были преобразованы в министерства, помещикам разрешалось освобождать крестьян вместе с землей. Но на этом дело застопорилось. Помешала война с Наполеоном, в которой Россия участвовала вместе с Англией, Австрией и Швецией, а затем войны с бывшей союзницей, Швецией, и Турцией. А в 1807 году Александр I вообще делает крутой вираж во внешней политике, сближаясь с Наполеоном. Заметив трудолюбие и талант Сперанского, он потихоньку превращает в фикцию

работу «интимного комитета» и поручает Михаилу Михайловичу составить генеральный план реформ. В октябре 1809 года этот план был представлен на утверждение государю.

Французские шпионы, а их при дворе было немало, известили об этом проекте своего императора. Тот по достоинству оценил работу чиновника. *«За такого человека, – заметил он, — я бы, не раздумывая ни минуты, отдал любое княжество»* (Алданов М. Святая Елена, маленький остров. Избранное. Москва, издательство «Захаров», 2002).

Проект государственного устройства Сперанского, или «Введение к уложению государственных законов», предусматривал принятие первой российской Конституции, разделял власть на исполнительную, законодательную и судебную. Граждане тоже делились на три категории: дворянство, «людей среднего состояния» и «народ рабочий». Крепостное право упразднялось. Вводились выборная Государственная дума и Государственный совет, который назначался царем.

Государь проект одобрил и повелел начать его реализацию с 1810 года. Одновременно на Сперанского было возложено было решение еще одной сложнейшей задачи – оздоровление финансовой системы, которая находилась в глубочайшем расстройстве. Общий государственный долг достиг астрономической суммы – почти 700 миллионов рублей. В 1810 году стояла на грани государственного банкротства.

Сперанский предложил прекратить выпуск новых ассигнаций с постепенным изъятием старых и ввести налоги на все помещичьи земли, чего до этого никогда не бывало. В результате государственные доходы возросли сразу до 300 миллионов рублей.

Однако это привело к всеобщему недовольству. Был пущен слух, что Сперанский – французский шпион. Люди, близкие к императору, сделали всё возможное, чтобы поссорить его со Сперанским. И кроме создания Государственного совета и «косметических» реформ министерств дело дальше не пошло. Посыпались доносы, обвинявшие Сперанского во взяточничестве, измене, связях с масонами. Выступил с резкой критикой реформ и автор «Истории государства российского» Николай Карамзин. И царь вынужден был сместить Сперанского со всех постов.

Недрузи государственного секретаря требовали его казни, но Александр I ограничился ссылкой Михаила Михайловича в Нижний Новгород.

«Замечено, что бывает в трактирах»

23 марта 1812 года частный пристав Шипулинский доставил опального Сперанского в Нижний Новгород, даже не разрешив ему проститься со своей 13-летней дочерью. Губернатору Андрею Максимовичу Руновскому было вручено предписание за подписью Александра I. В нём говорилось о необходимости *«учредить бдительное наблюдение за перепиской Сперанского, которая должна быть доставляема в Петербург, а во-вторых, доносить обо всех тех лицах, с которыми означенный Сперанский будет иметь тесную связь»* (ЦАНО). И Руновский тотчас же отправляет депешу: *«Новоприезжий помещен в дом Шишковой, близ Покровской церкви, на лучшей улице в городе; наблюдение за ним поручено полицмейстеру и надежнейшему частному приставу»* (там же). В дальнейшем губернатор сообщал, что Сперанский, *«кроме прогулок по городу, не замечен ни в тесной связи знакомства, ни в частном с кем-либо общении»* (там же).

Тем временем началась война с Наполеоном. Это вызвало взрыв негодования нижегородцев к ссыльному чиновнику, который не скрывал своих симпатий к французскому императору. Богатые горожане подкупали за гривенник мальчишек, а те дежурили у его дома и кричали ему вслед:

– Шпион!

Сперанский решил купить себе жильё где-нибудь на окраине. Ему порекомендовали дом госпожи Скуридиной. Как описывал его сам Сперанский, *«с видом на лука, известных под*

названием *Панских бугров, у Печерского монастыря*» (Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 год, с историческими пояснениями. Санкт-Петербург, 1862).

Но и здесь не нашёл он спокойствия — только сплошную нервотрепку.

Первым ополчился на Михаила Михайловича предводитель дворянства князь Черкасский. Вскоре примеру владельцу села Лыскова последовали бывшие знакомцы Сперанского, бежавшие из Москвы при приближении армии Наполеона. А затем и вице-губернатор Крюков (Руновский тяжело болел — он умер в марте 1813 года). *«Замечено, — писал Крюков, — что Сперанский скрытным образом бывает в трактирах и питейных домах, где всегда есть стечение простолюдинов и людей, слабых в воздержанной жизни»* (ЦАНО). Какая в этом была крамола, непонятно, если в дальнейшем Крюков пояснял, что во время посещений этих заведений Сперанский ни с кем не общался и спиртного не употреблял.

Но все эти доносы подливали масла в огонь. Последний был отправлен Крюковым в конце августа 1812 года. *«В день Преображения на Нижегородской ярмарке, — сообщал вице-губернатор, — после обедни был тут и Сперанский; обедать, однако ж, не остался, но между закускою, занимаясь с преосвященным (епископом Моисеем, — С.С.-П.) обоюдными разговорами, в коих, доведя их до нынешних военных действий, он говорил о Наполеоне и об успехах его предприятий, к чему господин Сперанский дополнил, что в прошедшие кампании в немецких областях, при завоевании их, он, Наполеон, щадил духовенство, оказывал ему уважение и храмов не допускал до разграбления, но ещё, для сбережения их, приставлял караул, что слышали бывшие там чиновники, от которых на сих днях я узнал»* (там же).

Царь, удручённый тем, что Москву пришлось оставить, был вне себя от ярости. И приказал сослать Сперанского ещё дальше — в Пермь.

В зените славы

Но ссылка была недолгой. В 1816 году Александр I неожиданно вспомнил о Сперанском и назначил его пензенским губернатором, а потом — генерал-губернатором Сибири, где каждый помещик чувствовал себя удельным князьком. Михаил Михайлович положил этому конец. За четыре года были осуждены 680 чиновников! И порядок был наведён. Казнокрадство прекратилось.

В марте 1821 года Сперанский вернулся в столицу. Царь в качестве компенсации за опалу наделил его большим поместьем, назначил членом Государственного совета; дочь Михаила Михайловича стала фрейлиной императрицы.

Проявили интерес к Сперанскому и декабристы. Они предлагали ему возглавить будущее Временное правительство, но Михаил Михайлович был опытным дипломатом. Он не сказал ни «да», ни «нет», решив посмотреть, чем все это кончится. А когда восстание 14 декабря не удалось, по просьбе Николая I написал царский Манифест и курировал следствие по делу декабристов, организовал суд над ними. Правда, не ожидал, что приговор будет настолько суров, Есть свидетельства, что Сперанский вытирал слезы, когда его оглашали.

Умер Михаил Михайлович в зените славы, составив более чем стотомный «Свод законов Российской империи», написав гражданский и уголовный кодексы, приведя в порядок российские финансы. Проклинали его в основном только декабристы и их потомки. Но так уж водится на Руси — нет среди нас всеобщих любимчиков.

ЗВЁЗДНАЯ ГЕОМЕТРИЯ

20 ноября 1792 года родился великий математик Николай Лобачевский (его именем в 1956 году назван Нижегородский госуниверситет). Но, оказывается, покидая наш мир, Николай Иванович, который и не Иванович вовсе, оставил нам столько загадок, сколько можно провести из одной точки прямых линий, не пересекающих других прямых. — самый главный постулат неевклидовой геометрии, геометрии нашего искривленного пространства, геометрии Лобачевского. Который, между прочим, и не Лобачевский.

Родео у парадного подъезда

Однажды прямо к парадному подъезду Казанского университета прибрела чья-то корова. Буренка внаглую поела траву, которую постригал садовник, да еще и методично позванивала колокольчиком, и такого студент Лобачевский просто стерпеть не мог. Реакция его была мгновенной. Он оседлал рогатую, а она давай брыкаться, и наезднику пришлось укрощать строптивую.

Сокурсники Николая лежали впокот от хохота, наблюдая эту вольтижировку. Впрочем, Лобачевский привлек внимание не только их, но и ректора. Тот покачал головой и распорядился, чтобы проказника посадили в карцер.

Таких случаев, где фигурировал Лобачевский, университетская история хранит с десяток, если не больше.

— Да из тебя со временем выйдет настоящий разбойник! — не выдержал кто-то из преподавателей.

— Не разбойник, а математик, — поправил его студент.

Хотя то, что сотворил Лобачевский потом в самой точной науке выглядело форменным разбоем...

Характеристика на присвоение ему звания кандидата в профессора была не совсем положительной: «Позволяет мечтательное о себе самомнение, упорство, неповиновение, грубости, нарушения порядка и отчасти возмутительные поступки». А кроме того, как отмечал инспектор, «явил признаки безбожия» ([Белл Э. Т. Творцы математики. Москва, издательство»Промсвещение», 1979\).](#)

Сплошные загадки

Точно так же напроказничал Николай Лобачевский и со своей биографией. В одних документах значится, что родился он в Макарьевском уезде Нижегородской губернии, в других — в Ардатовском, в третьих — в самом Нижнем Новгороде. Отец, Иван Максимович Лобачевский, как указывал студент, якобы умер в 1797 году, когда Николаю было всего пять лет. А он между тем был жив и совсем не думал о смерти. Вот и разберись, где правда, где вымысел, где просто розыгрыш.

Не до конца разобрался в этом и наш нижегородский математик Дмитрий Гудков, выпустивший в 1992 году книгу «Н. И. Лобачевский. Загадки биографии» (Нижний Новгород, издательство ННГУ).

На деле дата рождения Николая Лобачевского зачем-то и кем-то сфальсифицирована. Он появился на свет не 20 ноября 1792 года, а почти на год позже — 22 октября 1793-го. Косвенные подтверждения этому можно найти в следующих публикациях: Андронов А. А. Где и когда родился Н. И. Лобачевский. Горьковская коммуна, 1948, 9 мая; Андронов А. А. О месте и дате рождения Н. И. Лобачевского. Историко-математические исследования. Москва, 1959, выпуск 9; Привалова Н. И. Дом, в котором родился Н. И. Лобачевский. Историко-математические исследования. Москва, 1956, выпуск 9.

Но зачем нужно было искусственным образом состарить будущего математика? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вернуться в то далекое время, удаляющееся от нас, как прямая линия, нацеленная в бесконечность.

Сын землемера? Или офицера?

Дмитрий Александрович Гудков однозначно утверждает, что настоящим отцом Николая Ивановича Лобачевского был землемер Сергей Степанович Шебаршин (или Шабаршин). Мать будущего ученого, Прасковья Александровна, связала свою судьбу с ним после того, как ушла от мужа, Ивана Максимовича Лобачевского. Жизнь у них почему-то не заладилась, хотя они сохранили дружеские отношения, а развод не оформляли. Скорее всего, потому, что в то время добиться его было нелегко, да и статус «незаконнорожденный» во многом ограничивал ребенка в его правах.

У Николая было два брата. Отцом их, как считает Дмитрий Гудков, тоже был землемер Шебаршин, геодезист Сената. Но почему же тогда математик уже в зрелом возрасте пишет о том, что является наследником «обер-офицера»? Снова розыгрыш? Но Николай Иванович давным-давно остепенился... В общем, еще одна загадка, ответа на которую нет. Землемер Шебаршин умер в 1797 году. Когда мать стала жить под его крышей, и что было до этого, одному только Богу известно.

Непонятно и для чего нужна была приписка в возрасте. После смерти Шебаршина мать Лобачевского с тремя детьми переезжает в Казань, где определяет мальчишек в гимназию за казенный счет. Чтобы поступить туда, по её словам, Николаю не хватало года. Его и добавили, выправив метрику.

Но тут вопрос на вопросе. Николаю на тот момент было с учётом приписки 9 лет, а младшему, Алексею, всего семь. Но он тоже стал гимназистом.

Дети индиго

В 1804 году старший класс Казанской гимназии №1 был преобразован в университет. Николай Лобачевский и его старший брат Александр стали студентами.

Оба были безумно талантливы. Особенно Александр. Ему прочили большое будущее, но он не оправдал надежд. Вмешался неумолимый рок: Саша Лобачевский утонул, купаясь в реке. Двух гениев с одной фамилией история, кажется, не знает.

А Николай после смерти брата учится как бы за двоих. Успешно осваивает естественные науки. А когда в университет пришел преподавать известный ученый Мартин Бартельс, друг и наставник выдающегося немецкого математика Карла Фридриха Гаусса, блестящие способности Лобачевского раскрылись именно в этой сфере познания. В 1811 году ему присваивают степень магистра по физике и математике и оставляют при университете. Спустя три года он становится адъюнктом, а затем профессором.

«Университет причиняет вред»

Лобачевский начинает читать лекции студентам, но недолго. Вскоре его избирают членом училищного комитета, который должен был по уставу управлять всеми делами, касающимися гимназий и училищ округа. Заниматься непосредственно наукой ему некогда. Преподаёт только астрономию, заменяя отправившегося в кругосветное путешествие Ивана Симонова.

Тем временем атмосфера в университете накаляется. Нужно было срочно искоренять «вольнодумие», которое, как считал царь, насаждали преподаватели. Член Главного правления училищ, сын автора знаменитого учебника арифметики Магницкого, Михаил Леонтьевич, докладывает Александру I: *«Казанский университет причиняет общественный вред полученностью образуемых им воспитанников»*, а посему *«подлежит уничтожению в виде публичного его разрушения (Фортунатов Ф. Памятные записки вологжанина. Русский архив», 1867, №12).*

Но учебное заведение не закрыли. Государь сделал финт ушами. Взял и назначил Магницкого на должность попечителя, который начал свою деятельность с увольнения девяти профессоров. Студенты были переведены на казарменное положение.

Лобачевский, избранный деканом физико-математического отделения, до поры, до времени молчит. Преподаёт математику вместо уехавшего в Дерпт Бартельса, физику, астрономию и геодезию, пишет два учебника для гимназий — «Геометрию» и «Алгебру». Но оба учебника так и не увидели свет. Первый раскритиковал академик Фусс, а второй не напечатали просто из-за отсутствия бумаги.

В это время конфликт Лобачевского и Магницкого из скрытого перешел в активную фазу. Магницкий жалуется высокому начальству: Лобачевский нарушает инструкции, проявляет дерзость. Попечитель устанавливает скрытый надзор за непокорным деканом. Однако и в этих, унижающих человеческое достоинство условиях, Николай Иванович находит время для творчества. И его искания завершаются гениальным открытием.

Он всех достал

Деятельностью Магницкого были недовольны многие. Николай I лично занялся расследованием его войны с Казанским университетом. Обнаружилось, что он вдобавок ко всему расстратил казённые деньги. И император его уволил. Более того, его имение было конфисковано.

Магницкого выслали в Ревель. Но он и там не успокоился. Настрочил необоснованный донос на Михаила Сперанского, а в 1859 году за донос на бессарабского и новороссийского генерал-губернатора Михаила Семёновича Воронцова был выслан вторично. На этот раз — из Одессы в Херсон.

Умер он в 1844 году, снова вернувшись в Одессу, когда Воронцов был назначен наместником на Кавказе.

Непризнанный гений

23 февраля 1826 года Лобачевский знакомит научную общественность со своей работой «Сжатое изложение начал геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных». Она произвела на ученых впечатление разорвавшегося порохового склада, поскольку камня на камня не оставляла от геометрии Евклида.

Математики не раз уже покушались на неё. Это было идеальное учение, окаменевшее в своем совершенстве. Но оно требовало идеальных инструментов измерений и идеального пространства. Увы, такого пространства ни на Земле, ни в Космосе нет. Как показывает практика, сумма больших треугольников не достигает 180 градусов, а четырехугольника — 360. Такова действительность, и Лобачевский вернул геометрии её первоначальный смысл, то есть обратился к системам реальных измерений.

Увы, исследования великого математика находились за пределами понимания современников. Одни игнорировали его, другие встречали насмешками. Работа Лобачевского «Сжатое изложение начал геометрии», переданная на отзыв казанским профессорами, так и не получила никакой оценки и спустя 8 лет была сдана в архив. А в 1834 году в журналах «Сын Отечества» и «Северный архив» появилась статья за подписью «С.С.», в которой говорилось: *«Истинная цель, для которой г-н Лобачевский сочинил и издал свою „Геометрию“, есть просто шутка или лучшие сатира на ученых-математиков, а может быть, вообще на ученых»* (Н. В. Марков, Н. И. Лобачевский — великий русский ученый. Москва, издательство «Знание», 1956).

А дальше — тут уже чувствовался слог незабвенного Фаддея Булгарина — следовали намеки на то, что у Лобачевского с головой не всё нормально: *«Как можно подумать, чтобы г-н Лобачевский, ординарный профессор математики, написал с какой-нибудь серьезной целью книгу, которая немного бы принесла чести и последнему школьному учителю! Если не уче-*

ность, то по крайней мере здравый смысл должен иметь каждый учитель, а в новой геометрии нередко недостает и сего последнего» (там же).

Выдвину гипотезу: за инициалами «С.С.», вероятно, скрывались Степан Бурачек и Семен Зелёный – ученики академика Михаила Остроградского. А тот, похоже, просто завидовал гениальности и проницательности Лобачевского.

Его Вселенная

Он умер непризнанным. Только спустя много лет учёные стали сравнивать Лобачевского с Колумбом. Дескать, оба открыли новые миры и не испугались их причудливых очертаний. Сравнивали с Коперником, который низверг Птолемея. А кто-то назвал геометрию Лобачевского звёздной. И это справедливо. Она подразумевает бесконечные расстояния, а где, как не в Космосе, можно вести о них речь?

Звёздная геометрия предвосхитила и теорию относительности Альберта Эйнштейна. За много лет до него Лобачевский писал, что в природе мы познаем лишь движение, а пространство само по себе, вне его не существует. *«Время есть движение, измеряющее другое движение»* – такова его формула, которая, собственно, и является стержнем теории относительности. (Лобачевский Н. И. Полное собрание сочинений в пяти томах. Москва, государственное издательство технико-теоретической литературы, 1946—1951).

Задача на посошок

Почти два десятка лет Лобачевский исполнял обязанности ректора Казанского университета. Сохранилось немало его портретов, есть даже фотография. Но – странное дело – везде он разный, на себя не похожий. На дагерротипе, датированном 1855 годом, полуслепой, больной математик, сфотографированный за несколько месяцев до смерти, похож на какого-то веселого греческого бога и никогда не подумаешь, что ему 63 года. И дело тут не в ретуши – она, как установили эксперты, отсутствует.

Что это? Очередной розыгрыш? Или свидетельство о том, что гении бессмертны?

ОФЕЛИЯ ИЗ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

В своё время она считалась лучшей театральной актрисой России. Умерла рано – не было ещё и сорока лет.

Сохранились воспоминания очевидцев о гастролях Косицкой в родном для неё Нижнем Новгороде в 1862 году. «Нижегородская публика, – писал краевед Александр Гациский, – неистовствовала в течение всех трех ноябрьских спектаклей... Обыкновенно чинная, она провалилась как бурный поток, и в последний, третий спектакль не кричала, а просто вопила: «Милая, дорогая! Родная наша!» (Гацицкий А. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, издательство «Нижегородская ярмарка», 2001).

В своей автобиографии, опубликованной в 1878 году в журнале «Русская старина» (т.21), об этом Любовь Павловна не упоминала. Она всегда отличалась большой скромностью.

Злодейство и добродетель

Будущая артистка ещё не появилась на свет, когда её отца-повара и беременную Любашей мать-прачку нижегородский помещик Карл Ребиндер передал в качестве приданого своей младшей дочери Вильгемине, которая вышла замуж за исправника Бабкина. И вместе с отцом и матерью с младенчества Люба стала его собственностью.

У Бабкина было имение в деревне Ждановка Нижегородского уезда. Это был лютый крепостник, которого, как вспоминала потом Косицкая, *«народ звал собакою. Мы, бывши детьми, боялись даже его имени, а он сам был воплощенный страх... Когда он, бывало, выходил из дома гулять по имению, дети, прятались от страха под ворота, под лавки, а кто не успевал сделать этого, тот непременно бывал бит»* (здесь и далее цитируется по её «Автобиографии»).

Маленькой Любаше пришлось однажды даже заниматься попрошайничеством. Мать её слегла, когда мужа обвинили в том, что он организовал побег нескольких крестьян, и забрали в кутузку. И быть бы ему на каторге, если бы не изловили беглецов. Те сняли с Павла Косицкого все обвинения, и Бабкин продал семью другому помещику, жена которого за какую-то провинность зверски избила маленькую Любу. У неё даже кровь текла из ушей. К счастью, Косицкие вскоре оказались в Балахне. Их владельцем стал уже третий по счету помещик по фамилии Мессинг.

После изувера Бабкина жизнь у него показалась раем. Косицкие питались с барского стола. *«Я в короткое время стала круглая, как шар, – вспоминала актриса, – бывало, упаду и перевернусь раза три и с трудом встану. Мы были в большом почёте и любви».* Трудно после этого называть жизнь дворовых при крепостном праве сплошным кошмаром. Были, оказывается, хорошие и добрые люди среди помещиков.

В 1839 году отец Любы выкупил себя и своих родных, но, заплатив за вольную все свои сбережения, остался без средств к существованию. Косицкие уехали в Нижний Новгород, где двенадцатилетнюю Любу отдали «в услужение» в дом к богатой купчихе Прасковье Долгановой.

И опять – полная противоположность злодеям-эксплуататорам и кровопийцам, как помещиков называли в советское время. Прасковья Аксёновна, по словам Любови Павловны, *«взяла меня к себе и полюбила, и ласкала, как дитя своё».* Спустя много времени Косицкая писала: *«Безотчётная радость овладевала мною; я пела, плясала, как будто горе никогда не касалось меня. Забывала все горести и до сей минуты целую руку моей доброй Прасковьи Аксёновны: она оживила мою душу».*

«Там моя жизнь»

Однажды они пошли в театр. Люба боялась, её уверяли, что чертей там нет. Это случилось в конце декабря 1843 года, и Люба заболела театром навсегда. Когда через неделю Долганова повела её на другой спектакль, девушка поняла, что *«душа отделилась от тела и перешла туда, на сцену; для меня, – вспоминала Косицкая, – пропал мир земной, я ничего не видела и не слыхала, как-будто всё умерло для меня... Тут уже я всё поняла, даже поняла и то, что там моя жизнь»*.

Поняла это и Долганова. Несмотря на бурные протесты матери Любы, которая утверждала, что театр – грех, она упростила знакомого ей директора театра Никольского принять 14-летнюю Любу в его труппу. Но когда родители узнали, что дочери будут платить ежемесячно 15 рублей серебром, а жить она будет отдельно от семьи – в особом «театральном доме», о греховности представлений на сцене больше не заговаривали.

Театр в Нижнем, основанный князем Николаем Григорьевичем Шаховским, находился тогда на Жуковской улице. Сегодня это место трудно вычислить. Так называемые «распутинские дома», названные по имени одного из владельцев театра, сменивших Шаховского, где жили 96 актеров и служителей с семьями, спускались к несуществующим ныне Панским улицам. В одном из этих домов Любаше выделили отдельную каморку с кроватью, столом и тремя стульями. Зато здесь было окно, выходившее на Волгу.

Комната была грязная, но одна из старейших актрис театра Аксакова помогла девушке с уборкой, напоила чаем. Отец привёз одежду, чайник, чашку и столовые приборы, и Люба зажила новой для неё жизнью. За короткое время она превратилась в стройную, красавицу. Её научили петь, танцевать, декламировать. Многие мужчины, увидев актрису, оглядывались, пораженные.

В Нижнем Новгороде в то время было даже два театра – городской и ярмарочный. Городской, по свидетельству Александра Гациского, *«был открыт постоянно, исключая дни Великого поста и ярмарки»*, спектакли давались три раза в неделю, а по праздникам – ежедневно. Ярмарочный театр начинал свою работу 8 июля и в течение двух месяцев приглашал зрителей на свои постановки каждый день, исключая субботы и Успение Пресвятой Богородицы». То есть нагрузка у артистов была солидной. Но и зарабатывали они по тому времени довольно хорошо. Известный путешественник барон Гакстгаузен, побывавший в 1848 году в Нижнем Новгороде, писал, что за ярмарочный сезон выручка нижегородского театра составляла от 24 до 30 тысяч рублей серебром (Гакстгаузен фон Август. Очерки о внутреннем положении, национальной жизни и особенностях сельских учреждений России. Москва, 1869).

Но это было до того, как Никольский включил в труппу Любовь Косицкую. При предыдущем владельце театра Василии Игнатьевиче Живокини появилось немало проблем. Василий Иванович был актёром московского театра, нередко выходил на сцену и в Нижнем Новгороде. Театром управлял его брат Михаил, художник-декоратор. Но при нём актеры стали покидать Нижний Новгород. В газете «Нижегородские губернские ведомости» даже была опубликована статья под названием «О нижегородском театре и об охлаждении к нему публики».

Это охлаждение для Живокини было непонятно. В труппе оставались такие профессионалы, как Минай Поляков, Анна Вышеславцева, её сестра Елена, выступавшая под псевдонимом Трусова, и Ханея (Александра) Стрелкова, один выход которых на сцену приводил публику в восторг, и одновременно – полупустой зал. Преемникам Живокини нужно было что-то что-то кардинально менять, чтобы привлечь зрителей. И Никольский придумал «вольные маскарады», которые начинались после спектакля и сопровождались танцами, когда можно было напрямую пообщаться с актерами в непринужденной обстановке. Но главное, что замыслил Никольский, – это омоложение труппы. И начал он с юной Любы Косицкой.

Первые роли

Никольский доверил ей сразу две эпизодические роли – крестьянки в спектакле «Женевская сирота» и горничной в «Комедии с дядюшкой». Это были пьесы довольно примитивные по содержанию, и сегодня их авторов уже не установить. Тем не менее, они были достаточно популярны, и волнение дебютантки трудно передать. Люба даже обратилась к Ханее Ивановне Стрелковой с просьбой оценить, как она озвучивает одну из этих ролей. Та благосклонно выслушала и дала несколько советов. Но когда должен был состояться её выход на сцену, как потом признавалась Любовь Павловна, *«ноги словно приросли к полу»*.

Кто-то вытолкнул её из-за кулис, и, выбежав к зрителям, она проговорила свою роль, а под конец расплакалась и убежала. Сценарием это не предусматривалось, но это было так естественно, что зал взорвался аплодисментами. Косицкая, ещё не отдавая себе отчёт, интуитивно почувствовала, что актерская игра и собственные эмоции сливаются в одно неразрывное целое, что игра на сцене – это сама жизнь.

«Как я была довольна, как я молилась в тот вечер! – писала она в своей автобиографии. – Воротясь домой, поужинала и села к окну глядеть на луну и Волгу. Как мне было хорошо в тот вечер... Не было человека счастливее меня в целом мире».

Успех окрылил. В опере Вольфганга Амадея Моцарта «Волшебная флейта», которая включала в себя элементы балета, Любовь Павловна исполняла танец с помелом. И зрители не отпускали её со сцены, этот танец ей пришлось исполнить трижды. В опере Джакомо Мейербера «Роберт-дьявол» Косицкая должна была петь в хоре, но голос её так понравился Никольскому, что он доверил ей исполнение партий Агаты в опере Карла Вебера «Волшебный стрелок» и Надежды в опере Алексея Верстовского «Аскольдова могила».

Взлёт

А затем наступило время, когда талант молодой актрисы раскрылся во всей своей полноте. Её заметили, её полюбили, ей стали завидовать, её наперебой приглашали в другие театры. Многие дали общение со столичными гастролёрами, приезжавшими на ярмарку. Её партнером стал известный оперный певец Александр Бантышев. Он был первым исполнителем гимна «Боже, царя храни!» и партии Торопки в «Аскольдовой могиле». Эту партию Бантышев исполнял и на Нижегородской ярмарке, но Любу Косицкую публика принимала с таким же восторгом, как и этого тенора.

На ярмарке Косицкая близко познакомилась и с Юлией Линской, прославившей себя потом ролью Кабанихи в «Грозе» Александра Островского. Но в жизни она не была, как её героиня, грубой, властной и невежественной. Наоборот, очень милой и обаятельной. Актерский стаж её измерялся всего тремя годами. Актрисы подружались. Линская познакомила Косицкую с антрепренёром из Ярославля, который ангажировал Любовь Павловну в свой театр. Зарплата, которую он посулил, была в три с половиной раза больше жалования, полученного Никольским. Но это было не главное. В Ярославле актрисе поручались не второстепенные, а главные роли.

«Ярославль мне очень понравился. – вспоминала Любовь Косицкая, – город чистенький, театр каменный, прекрасный, и Волга, моя задушевная Волга. Я скоро привыкла к моему новому жилищу. Квартира опрятная, хорошенькая; одна комната большая, потом маленькая, без окна, и кухня». Замечу: Любе шёл тогда пятнадцатый год!

Она стала любимицей публики с первого же своего выступления не где-нибудь, а на родине первого в России театра. Один из купцов, зная, что Люба обожает сладкое, прислал ей целый пуд дорогих конфет. Она разделила их между всеми актрисами. Другой почитатель презентовал девушке заячий салоп с лисьей опушкой и белую шляпку. *«Матушка не велела мне надевать их, – писала Косицкая, – и даже хотела отослать обратно, да не знала, кому и куда. Я, разумеется, не смела носить этих вещей, хотя мне и очень хотелось».*

Поклонников было много. Попадались и весьма агрессивные. Один из них ворвался к Любе, когда она спала.

– Хоть кричи, хоть не кричи, никто не услышит: весь дом пуст! – заявил он.

Намерения его были ясны, Люба приготовилась к самому худшему и уже думала запустить в незнакомца подсвечником, но тут послышались чьи-то шаги – это пришла мать Любы из церкви, и непрошенный гость ретировался.

Мать Косицкой пожаловалась не кому-нибудь, а самому губернатору Ираклию Абрамовичу Баратынскому. Тот принял меры. *«Злодея моего, – вспоминала Любовь Павловна, – обязали подпискою не преследовать меня больше, но и тут я не ушла от него, видела каждый день! Опротивел он мне до безобразия».*

Однажды этот человек, имя которого Косицкая не называла, снова напал на неё и похитил. Он привёз её на какую-то квартиру и долго держал взаперти, но когда Люба твердо и решительно отвергла все его притязания, смирился и, плача, отпустил её. В наше время таких неожиданно раскаявшихся похитителей уже, наверное, не встретить.

Замужество

Стресс, который пережила актриса, раскрыл ещё одну грань её таланта: она стала писать стихи. Я рискну процитировать только четыре строки, явно подражательные Михаилу Лермонтову:

*Как всё вокруг меня живёт и веселится,
Лишь я чужда;
С тоской души моей здесь может лишь сравниться
Одна вражда.*

Душа Любы томилась, но кандидатуры, достойной внимания, среди её воздыхателей не находилось. Пока не приехал из Москвы молодой актер Петр Степанович С-в. Мне так и не удалось определить, кто это был, так как Косицкая его тщательно зашифровала. И Петр стал официальным женихом Любаши с условием, что зарегистрирует с ней брак, когда ей исполнится 16 лет.

Но этому не суждено было сбыться. Труппа отправилась в Рыбинск, где, как и в Нижнем Новгороде, ежегодно проводились ярмарки. И там один богатый купец стал просто-напросто преследовать Любу. Жених, естественно, ревновал. Когда же отвергнутый поклонник выстрелил в Косицкую, а этим покушением на актрису занялась полиция, С-в уже начал жалеть о своем обязательстве жениться. Окончательно это выяснилось в Москве, куда Любовь Павловна приехала к отцу. Он к тому времени служил в почтовом отделении дилижансов и занимал со своим семейством казённую квартиру.

Они расстались. Люба не больно-то сожалела об этом – любви между ними не было. Цель она имела другую – поступить в Большой театр. Но не вышло. Бантышев привёл её к композитору Алексею Николаевичу Верстовскому, который был управляющим Московской театральной конторой, тот послушал её пение и сказал:

– В Большой театр тебе пока еще рано. Нужно учиться.

И определил её в театральную школу, которой руководил Александр Михайлович Геденов. Впрочем, Косицкая была и этому довольна.

Александр Михайлович Геденов был в то время директором императорских театров обеих столиц, действительным тайным советником. Именно он открывал новые таланты. И, конечно же, не мог не оценить дарование юной актрисы. Но об этом человеке в автобиографических записках Косицкой ничего не говорится. Они обрываются как раз тогда, когда её приняли в школу Геденова. Впрочем, дальнейшие события в жизни Любви Павловны восстановить можно. Она была на виду.

Сразу же после окончания школы Косицкая вышла замуж за артиста Ивана Никулина. О нём я не нашёл никаких сведений, кроме того, что Иван Михайлович был родственником князя Георгия Александровича Грузинского, владельца нижегородского села Лысково. Но так вышло, что князь вскоре после свадьбы Никулиных умер, и его крестник остался без материальной поддержки. На зарплату мужа, который был занят лишь в эпизодических ролях, в Москве прожить было трудно. А у Любови Павловны родилась дочь Вера.

Признание

Пришлось всё опять начинать с нуля. По рекомендации Геденова Любовь Павловна выходит на сцену Малого театра. И сразу же добивается успеха. Режиссер Сергей Павлович Соловьев (по другой версии, Петрович) писал: *«Познакомясь ближе с её способностями, я пришел к убеждению, что для неё были нужны роли, которые не требовали бы благородства поз, изящества движений, но в которых преобладали бы чувства и простота формы, – почему я и выбрал для неё роль Параши-Сибирячки»* (Фолиянц К. А. Закулисные страсти: как любили театральные примадонны. Москва, издательство «Глобулус» НЦ ЭНАС, 2007).

И он угадал. В роли Параши Косицкая создала образ, словно выхваченный из самой жизни. Так было и потом. Даже романтика Шиллера в исполнении Любови Павловны приобретала конкретные черты русской действительности. В образе шиллеровской Луизы угадывалась трагедия женщины, попавшей в капкан обычаев и традиций тех лет. Что касается образа Офелии, то многие критики сходились во мнении, что игра Косицкой выше всех похвал. Апофеозом же её театрального творчества была роль Катерины в пьесе Островского «Гроза».

Роман с Островским

Триумфальное восхождение к пику своей славы Косицкой связано с именем драматурга Александра Островского. Строго говоря, он обязан был своему успеху именно ей, поскольку никто его совершенно не знал. Любовь Павловна после знакомства с ним сразу же увидела его дарование. Это закономерно: талант всегда распознаёт другой талант.

Одно из первых произведений Островского – «Не в свои сани не садись» – получило добро на сценическое воплощение именно благодаря Любови Павловне (в спектакле она играла роль Дуни Русаковой). Премьера его стала ярким событием того времени.

Уже на исходе своей жизни Александр Николаевич Островский писал, что *«все лучшие произведения мои писаны мною для какого-нибудь сильного таланта и под влиянием этого таланта»* (Островский А. Н. Записка об авторских правах драматических писателей. Речи 1859—1886. Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1952). Таким талантом для него явилась Косицкая. В 1854 году Любовь Павловна сыграла Анну Ивановну в новой пьесе Островского «Бедность не порок».

Тогда же начался и роман между ними.. Драматург предлагал руку и сердце, но Косицкая отказалась. Она была замужем. Не был свободен и Островский – он жил в гражданском браке с некоей Агафьей Ивановной, имел от неё детей. Даже после того, как умер Иван Никулин, Любовь Павловна так и не стала женой драматурга. *«Я горжусь любовью вашей, – писала она Островскому, – но должна потерять её, потому что не могу платить вам тем же, но потерять дружбу вашу, вот что было бы тяжело для меня, не лишайте меня этого приятного и дорогого для меня чувства, если можете»* (Куликова В. Ф. Л.П. Никулина-Косицкая. Москва, издательство «Искусство», 1970).

На этом в их отношениях была поставлена точка. Островский не понимал причины разрыва. Косицкая объяснила: она влюбилась в одного своего поклонника по фамилии Соколов, который был много моложе её. Но купеческий сын, промотавший состояние отца, требовал денег. В итоге Соколов исчез. Любовь Павловна уже не могла оправиться от этого удара.

Последней крупной ролью Косицкой стала роль Лизаветты в трагедии Алексея Писемского «Горькая судьбина». Её героиня восстала против сословных предрассудков во имя своей любви. То есть сделала то, чего актрисе не удалось.

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В МИСТИЧЕСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

В церкви села Никольского Арзамасского района Нижегородской области можно увидеть не икону, а картину «Распятие». Её написал один из самых талантливых российских живописцев Василий Перов, когда ему еще не исполнилось и 16 лет. Он родился 21 или 23 декабря 1833 года в Тобольске.

Криденер, Васильев, он же Перов

Тогдашние законы навсегда определили статус ребенка: незаконнорожденный. Настоящий его отец, тобольский прокурор, барон Григорий Карлович Криденер, дать мальчику свою фамилию не имел права. Василия нарекли Васильевым. Так звали крёстного.

Барон был добрым и образованным человеком. Он прекрасно музицировал, владел несколькими иностранными языками, писал стихи, но его благородство — Криденер не переносил лжи, подлости и воровства — не позволяло ему сделать карьеры. Как только он возбуждал уголовное дело против какого-нибудь большого чиновника, его тотчас переводили в другой город. И вскоре после рождения Василия семье пришлось сменить место жительства.

Однако и в Архангельске она не задержалась. Более того, барону пришлось вообще оставить казённую службу — вышел в отставку и уехал в свое родовое имение Суслан, что в окрестностях города Юрьева, а через год — в Самарскую губернию. И здесь Василий Васильев неожиданно для себя стал Перовым.

Семья Криденера жила у дьяка Петра Степанова в деревне Кольцовка. Дьяк доводился барону зятем — он был женат на его дочери от первого брака. И Григорий Карлович доверил ему обучение сына Закону Божьему, арифметике, старославянскому языку и чистописанию.

Первых своих успехов мальчик достиг в каллиграфии. Учитель постоянно ставил его в пример другим своим ученикам. И стал называть его Перовым.

Этой фамилией художник будет подписывать все свои картины.

Летающая тарелка

В 1842 году Криденер получил место управляющего имением богатого нижегородского помещика Языкова. Оно располагалось в селе Саблуково Арзамасского уезда. Но здесь Василий тяжело заболел оспой и едва не ослеп. Тогда-то он впервые и взялся рисовать с натуры.

В уездном училище Василий Перов был лучшим учеником. За один год окончил три класса. Много читал. И в 1846 году упросил родителей отдать его в художественную школу Александра Васильевича Ступина. И его приняли. Правда, на особых условиях. Подросток должен был ездить на занятия всего два раза в неделю.

Дело было в том, что Ступин не мог принять на постоянное проживание всех желающих. Школа его была широко известна. Конкурсантов — не счесть. Ступин выпестовал немало первоклассных живописцев. Российская Академия художеств приняла его школу под своё покровительство, оказывала ей материальную поддержку, присвоила Александру Васильевичу звание академика.

Но проучился Василий у Ступина всего три месяца. Однажды явился домой нетрезвым. И это — в 13 лет! Как выяснилось потом, юноши постарше сманили начинающего художника на именины к одной портнихе. И там, что называется, оторвались.

Барон был вне себя. Правда, вскоре сменил гнев на милость. Сам Ступин пришел просить прощения за то, что недоглядел. Он и уговорил Кридинера, чтобы тот не чинил препятствий в обучении Василия рисованию.

— У него талант, из него выйдет прекрасный художник, — то и дело повторял Александр Васильевич.

Мать взяла с сына слово, что тот будет вести себя добропорядочно. И он действительно игнорировал студенческие пирушки и другие запретные развлечения. А братцы-художники всячески подтрунивали над Василием, называли его сосунком, маменькиным сынком. И однажды Перов не выдержал и запустил в главного своего обидчика тарелкой с горячей кашей.

Тут уже и Ступин не мог защитить лучшего своего ученика — потерпевший грозился обнародовать этот эпизод. И Василию не оставалось ничего, как собрать нехитрые пожитки и на своих двоих отправиться домой. А до дома было 35 верст...

«Распятый» Иван

С того дня Василий Перов стал работать самостоятельно и понял, что созрел для большой картины.

В качестве натурщика он использовал своего сверстника по имени Иван. Вместе с ним сколотили большой деревянный крест. В дни Великого поста установили его в углу гостиной, ввернули кольца для рук и ног. Кроме того, Перов привязывал своего товарища широким ремнем. И он шесть недель мужественно переносил мучения. Не такие, конечно же, какие испытывал Иисус Христос, но после каждого сеанса Иван долго отлёживался — все тело ломило.

Картину Василий назвал «Распятие» и подарил её церкви села Никольского. А после этого уехал в Москву — продолжать свое художественное образование. В 1853 году он поступает в Училище живописи и ваяния.

Первый большой успех принёс ему этюд «Голова мальчика». За него он получил серебряную медаль. А картина «Приезд станового на следствие» была выставлена в Академии художеств и тоже удостоена награды. *«Молодой художник поднимает выпавшую из рук Федотова кисть»*, — писал критик Стасов (Стасов В. В. Перов и Мусоргский. Журнал «Русская старина», 1883, №5). *«Перов – это Гоголь, Достоевский и Тургенев в живописи»*, — вторил ему первый биограф художника Собко (Собко Н. П. [Василий Григорьевич Перов](#): его жизнь и произведения». Санкт-Петербург, издательство Д. А. Ровинского, 1892).

Едва на Соловки не угодил

Но шумный успех едва не закончился печально. Эскиз картины «Сельский крестный ход на Пасхе» и картина «Чашепитие в Мытицах» вызвали крупный скандал. Изображать подвыпивших священнослужителей до Перова никто не осмеливался.

Владельца художественной галереи Павла Третьякова начали бомбардировать письмами. Примерно такого содержания: *«Разве Вам от Святого Синода не сделан запрос, на каком основании Вы покупаете такие безнравственные картины и выставляете их публично? Перову вместо Италии как бы не попасть на Соловки»*.

Заинтересовалась художником и полиция. Картины с выставки быстренько убрали, с лекционера Третьякова взяли подписку о том, что он больше не станет публично их демонстрировать.

А Перов между тем находился вне досягаемости полиции. Он путешествовал по Западной Европе — эту поездку оплачивала Академия художеств. Путешествовал не один, а с молодой женой — Еленой Шейс.

Однако знакомство с музеями Берлина, Дрездена, Парижа, Италии не приносит художнику удовлетворения. Его тянет на родину, и он обращается с письмом к руководству Академии художеств, просит дать ему разрешение досрочно вернуться в Россию. В 1864 году такое разрешение он получает. И возвращается с триумфом. Новые его работы, особенно «Проводы покойника», сразу же определили бесспорную роль Перова как лидера нового направления

в живописи — критического реализма. *«Как сделал художник, мы не знаем, — это тайна его высокого таланта, но сердце сжимается, хочется плакать»*, — писал Дмитрий Григорович. (Григорович Д. В. Полное собрание сочинений в 12 томах. Санкт-Петербург, издательство А. Ф. Маркса, 1896 (приложение к журналу «Нива»). *«Художество выступило тут во всем величии своей настоящей роли: оно рисовало жизнь, оно объясняло ее, оно произносило свой приговор над ее явлениями»*, — вторил ему Стасов в статье «Перов и Мусоргский».

Как «Тройка» стала двойкой

В 1866 году Василий Перов написал одну из своих лучших и самых загадочных картин — «Тройку». Изображенное на ней врезается в память намертво: дети тянут по снегу обледенелую бочку с водой. Но как это исполнено!

Художник долго искал натурщиков. Однажды случайно встретил крестьянку с сыном, возвращающихся с богомолья. И сразу понял: мальчик — именно тот, который должен стать стержнем картины. И долго уговаривал мать, чтобы она разрешила подростку позировать. Предлагал деньги.

Но женщина не соглашалась:

— А вдруг на него порчу наведёте своим художеством? Возьмёт и умрёт, что я тогда делать буду? Он у меня один кормилец.

Перов все же заполучил натурщика. И картина произвела подлинный фурор. Но за успех нужно было расплачиваться. Спустя два года женщина, у которой художник выкупил на время её первенца, пришла к нему домой. Пришла в слезах.

— Сыночек мой заболел оспой и умер, — сказала она. — И в этом — ваша вина.

Василий Григорьевич спросил убитую горем мать, что он может для неё сделать.

— Отдайте мне эту картину. Пусть хоть так сын вернётся ко мне.

Перов объяснил, что это невозможно, что «Тройку» приобрёл коллекционер. Единственное, что он может посоветовать, — посетить его галерею, увидеть своего Егорушку на полотне.

Он проводил незваную гостью к Третьякову. Но смотреть, как женщина, стоя на коленях, молится на картину, как на икону, не было сил. И Перову пришлось написать портрет её сына, который она пристроила рядом с образами Христа-Спасителя и Божией Матери.

Но художник все равно не искупил своей вины. Не прошло и года, как умирает жена, оставив его с тремя маленькими детьми. А ещё через несколько месяцев покидают этот бренный мир старшие ребята — Коля и Надя... Сам он скончался от чахотки в 1882 году.

Анализируя творчество Перова, особенно портретное, современные исследователи пришли к ошеломляющему выводу. Большинство тех, кто позировал художнику, умирало через два-три года. Это касается и «Фомушки-сыча», и купца Камынина, и отца и сына Резановых, и его первой жены, Елены Эдмундовны, и других. Что это? Совпадение? Или художник с такой тщательностью переносил на полотна жизнь, что в натурщике её практически не оставалось?

КУДА ДЕВАЛИСЬ ДЕНЬГИ АКАДЕМИКА?

А теперь о самом Ступине. Колоритная это была фигура.

Отец-основатель

Сегодня в этом парке развлекается молодежь. Оттягивается пивом, покуривает. Взлетают выше ели крылатые качели, вертятся карусели, колесо обозрения, работают другие аттракционы. О том, что раньше здесь было Всехсвятское кладбище, уже мало кто помнит.

А это было именно так. Здесь хоронили людей состоятельных – арзамасских купцов, священников, чиновников, врачей, учителей. Здесь можно было увидеть мраморные склепы, гробницы из тесаного камня, братскую могилу воинов, погибших в боях с Наполеоном, золотые надписи на граните. Была здесь и могила отца Аркадия Гайдара.

Увы, большевики надругались над мёртвыми. Сейчас их кости покоятся под асфальтом. В том числе и прах основателя Арзамасской художественной школы Александра Васильевича Ступина, унёсшего с собой в мир иной немало тайн.

Александр Васильевич родился в 1775 году. Уже не юноша – ему исполнилось 24 года, он, как значится в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, *«будучи мещанином города Арзамаса из вольноотпущенных, движимый любовью к искусству, оставил в этом городе свой дом, жену и детей, прибыл в Санкт-Петербург и поступил вольноприходящим учеником в Академию художеств. Окончив курс в 1805 году с аттестатом второй степени, возвратился в Арзамас и завёл там рисовальную школу – первое и в течение долгого времени единственное частное учреждение подобного рода внутри России»*.

Но спустя много лет выясняется, что на самом деле Ступин — не Ступин. Как утверждают краеведы Сарова, Александр Васильевич был внебрачным сыном дворян Петра Соловцова и Борисовой, имя которой по сей день неизвестно. Борисова умерла спустя три года после рождения сына, а Соловцов передал ребенка на воспитание в семью Ступиных, у которых своих детей не было. Тем не менее, по мнению профессора Нижегородского государственного университета Андрея Седова, академик живописи знал, кто его настоящие родители. И совершенно не случайно, что, Ступин с учениками взялся расписывать иконостас в Успенском соборе Сарова, а также Никольскую церковь – именно в Сарове похоронен Петр Соловцов, который вместе с братьями пожертвовал Саровскому монастырю огромный 550-пудовый колокол.

«Мастера-маляры»

В биографии Ступина немало загадок. Такой авторитетный краевед, как Александр Гацкий писал в «Нижегородском сборнике», что Ступин проучился в Академии художеств не шесть лет, а всего два года, и *«за это время не мог усвоить прочно искусства по недостатку основательного образования, отсутствовавшего даже у тогдашних корифеев, каковы Акимов и Угрюмов. Таким образом, Ступин не мог внести в своё преподавание улучшенный метод и правильный взгляд на натуру, хотя, конечно, имел данные сформировать мастерскую на лучших основаниях, чем тогда существовавшие ремесленные заведения у подрядчиков иконописного и живописного дела»*. (Гацкий А. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, издательство «Нижегородская ярмарка», 2001).

Как только арзамасские помещики узнали о «рисовальной школе», так сразу же стали вести переговоры со Ступиным о том, чтобы отдать ему *«в выучку»* крепостных мальчиков, *«дабы они стали мастерами-малярами по живописному и иконописному делу»* (там же). Их не смущало то, что плата за обучения была достаточно солидной.

Школа просуществовала 45 лет. За это время в её стенах было подготовлено свыше ста учителей рисования для глубинки. В 1809 году заведение взяла под свою опеку Академия художеств. Александр Васильевич был удостоен звания академика, а его сын Рафаил и Иван Горбунов приняты на учебу в столицу «казенными пансионерами». Впоследствии академиком стал и зять Ступина, Николай Алексеев. А к зданию школы был сделан пристрой, где размещались «картинная и античная галереи». Таким собранием высокохудожественных произведений живописи и скульптур, каким обладал Александр Васильевич, не могли похвастаться и губернские города.

Без опоры

Но Ступин старел, а надежного преемника у него не было. Возлагал, было, надежды на сына Рафаила, но тот стал спиваться и постепенно деградировал. Мог даже отметелить отца-старика так, что тот неделями ходил с синяками, а пальцы не держали кисть.

Дочь Александра Васильевича, Клавдия, завела амуры с одним из его учеников, Григорием Мясниковым, которого Ступин выделял среди других как наиболее талантливого. Дело шло к свадьбе, но Ступину не удалось выправить выпускнику школы «вольную» – Мясников был холопом. А помещик Гладков, хозяин так и не состоявшегося зятя отца-основателя, наотрез отказался принять выкуп и за какую-то провинность приказал высечь «мастера-маляра». Не стерпев такого позора, Мясников выстрелил себе в сердце из ружья.

Поплакала-погоревала Клавдия, но поняла, что слезами делу не поможешь. И нашла себе другого воздыхателя. В 1833 году она вышла замуж за Николая Алексеева, ещё одного ученика Ступина. Руководители Академии, взявшей опеку над «рисовальной школой», увидев его рисунки, тут же присвоили ему звание свободного художника, что освобождало Алексеева от крепостной зависимости. Он приравнивался тем самым к тем счастливым, кто закончил Академию с серебряной медалью.

Алексеев дал Александру Васильевичу клятвенное обещание, причем письменно, что сделает всё для того, чтобы Арзамасская художественная школа процветала и в дальнейшем. Но это были только слова — чего их жалеть?

С того самого времени неудачи мимо Ступина не проходили. Родив четверых детей, Клавдия сильно простыла и слегла. И уже не встала. Её похоронили всё на том же Всехсвятском кладбище. А перед этим какой-то злоумышленник поджёг здание школы — чтобы восстановить разрушенное огнем, нужны были большие деньги. Александр Васильевич был буквально убит горем.

А тут – ещё один изгиб судьбы. После смерти Клавдии Алексеева приглашают в столицу для росписи Исаакиевского собора. Это предложение вскружило ему голову, и он в Санкт-Петербурге ударился во все тяжкие. Вскоре Ступин узнаёт, что его бывший зять женился вторично. И деду (бабушка, Екатерина Михайловна, к тому времени тоже умерла) пришлось воспитывать четверых малолетних внучат.

Завещание академика

Школа не приносила прибыли. Ступину приходилось искать какие-то дополнительные источники доходов. На старости лет стал ростовщиком. Давал деньги взаймы. Естественно, с процентами. Скупал у окрестных крестьян по дешевке заячьи шкурки и продавал их с выгодой. Приобрел даже имение в Елатомском уезде Тамбовской губернии.

Деньги у него имелись. И когда Александр Васильевич почувствовал близкое дыхание смерти, составил завещание. Но очень и очень странное.

Бывшему зятю не обломилось ничего. Трем внукам полагалось «по одной четвертой капитала с процентами, в долгах находящегося», а старшей, Екатерине, ещё и «родительский дом с землей и мебелью». Младшему же внуку, Михаилу, приходилось довольствоваться

до достижения им 30-летнего возраста только процентами с капитала. Ещё он становился владельцем художественной школы.

Но имение пришлось отписать в казну, поскольку внуки не имели дворянского титула, а завещать тамбовское сельцо бывшему зятю Александр Васильевич не желал. На дух его не переносил, хоть и дарование он имел бесспорное. А дом на улице Прогонной, который приобрел за год до смерти, завещал одному из своих учеников — Соколову.

Но душеприказчица завещателя, Екатерина, находилась в Санкт-Петербурге. Ступин сделал соответствующую оговорку: *«До ее прибытия поручаю сохранение имущества арзамасскому мещанину Молодцову и мещанке Лысковцевой»* — близким своим друзьям. И, поставив на этом, как ему казалось, точку, расписался и вскоре умер.

Дом с «усадом»

Дальше с завещанием академика стали происходить какие-то невообразимые вещи. Внучка Екатерина наследством распорядиться почему-то не стала, Михаил, судя по всему, передал свои права на художественную школу отцу, Николаю Алексееву, а Молодцов и Лысковцева вручили охраняемое ими имущество не душеприказчице умершего, а все тому же Николаю Алексееву. Видимо, тот сумел разжалобить их, сославшись на то, что его большая семья еле-еле сводит концы с концами, что он серьезно болен и получает пенсией, на который можно один только раз сходить в трактир пообедать.

Но как только ему отдали ключи от здания школы, «больной» преобразился. Алексеев буквально отодрал наиболее ценные картины от стен и увез с собой в Санкт-Петербург. Забрал он и скульптуры, и многочисленные работы учеников Ступина. До сих пор они всплывают на аукционах и хранятся в частных коллекциях. Продано было за бесценок и здание школы с *«картинной и антической галереями»*.

Но тайна завещания состояла в том, что «капитал», о котором шла речь в завещании, был как бы виртуальный: внуки получали только то, что занимал в долг Ступин с заранее оговоренными процентами. Все эти деньги были на руках, а никакой наличности Александр Васильевич не оставил. И когда Екатерина все-таки выколотила с заёмщиков все то, что было им выплачено, стало понятно: графа «приход» во много раз меньше, чем графа «расход», то есть, крупная сумма денег уплыла куда-то налево. Но куда?

Сейчас уже, разумеется, трудно понять, но, похоже, разгадка как раз и скрывается между строк того самого завещания. Оно составлено так, что некоторые его параграфы можно трактовать двояко — наверное, Александр Васильевич предвидел, что всё случится не по правилам. И тем самым пытался обезопасить внуков от напористого бывшего зятя. И некая сумма была припрятана.

Полтора века назад (академик живописи скончался 31 июля 1861 года) в бумагах Александра Васильевича нашли какие-то планы и схемы, но на них не обратили внимание. Да и завещание читали не слишком внимательно. А ведь в его черновике фраза «дом на Прогонной с усадом» была подчеркнута жирной чертой. И больше таких подчеркиваний не имелось. Не в этом ли «усаде» зарыт был клад?

Но где теперь «усад», где теперь улица Прогонная?

«МАЛЬЧИК Я БЫЛ НЕКРАСИВЫЙ...»

«Это человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело, и если возьмётся, то уж крепко хватается за него, так что оно не выскользнет из рук; с другой стороны, человек безукоризненной честности, такой, что даже и не приходит в голову вопрос: «можно ли положиться на этого человека во всём безусловно?», – писал о Кирсанове Николай Чернышевский в своём романе «Что делать?». Прототипом этого литературного персонажа стал Иван Михайлович Сеченов, ученый-энциклопедист уровня Михаила Ломоносова. Его вклад в науку неоценим. Он занимался физиологией, психологией, философией, антропологией, химией, физикой, биологией. В круг его интересов входили также патология, анатомия, гистология, токсикология, он был военным инженером, естествоиспытателем. Его помнят, а вот роман Чернышевского исключили из школьной программы по литературе. С одной стороны, наверное, справедливо: художественных достоинств у этого произведения можно найти разве что только под микроскопом. Но с другой стороны, теперь о Кирсанове, Лопухине, Рахметове, Вере Павловне практически никто не знает, хотя эти образы на протяжении многих десятилетий вдохновляли людей на подражание. Герои романа Чернышевского были революционерами, Кирсанов и Лопухин тоже исповедовали прогрессивные для того времени взгляды, а революционеры сегодня не в чести, хотя революции тем не менее совершаются, причем разного толка: и «бархатные» — якобы демократические, и кровавые, фашистские. Однако революционные преобразования затрагивают и другие сферы, прежде всего науку.

Усадьба в Тёплом Стане

Иван Михайлович Сеченов появился на свет в далёком от нас 1829 году. Никто не знал тогда о рождении гения — мир был занят своими делами. На Урале найден первый в России алмаз, Россини представляет на суд зрителей свою оперу «Вильгельм Телль», Александр Пушкин путешествует по Кавказу, хотя это и чрезвычайно опасно — идёт война с Турцией...

«Местность, где я провёл детство, принадлежит, я думаю, к наименее живописным, — вспоминал Иван Михайлович в своих «Автобиографических записках», изданных в 1907 году. – Чёрная, почти как уголь, земля, изрезанная в пологих впадинах оврагами, без единого деревца или ручейка на вёрсты с единственным украшением – редкой роцей, виднеющейся на горизонте в виде тёмных четырёхугольников» (здесь и далее цитируется по книге [«Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова»](#). Москва, издательство Академии наук СССР, 1945).

Но не всё так плохо в этих краях. Есть и свои прелести. Такого лугового разнотравья, наверное, больше нигде не встретишь. Тут и ковыль, и васильки, и белоголовый клевер, и шалфей... А под богатой травяной растительностью – слой чернозёма, который кое-где больше метра в толщину! И он как будто смочен дождём – отливает, как вороново крыло...

Земля эта настолько плодородна, что, как говорят, оглоблю всунь — и та зазеленеет. И люди здесь селятся с давних времён. Село Тёплый Стан – родина Сеченова, которое сегодня носит его имя, – было основано в 1552 году Иваном Грозным во время его третьего похода на Казань. Согласно легенде погода в то время была не ахти, но когда войско расположилось на ночлег у реки Медянка, неожиданно потеплело. И становище своё царь нарёк Тёплым Станом.

Родословная

Первым владельцем этого села был Осип Иванович Ермолов, предок знаменитого генерала Алексея Ивановича Ермолова, героя Отечественной войны 1812 года и кавказских баталий. Ермоловы, кстати, утверждали, что ведут свою родословную от Чингисхана, и это, похоже,

так. В 1506 году Арслан-мурза Ермола выехал из Казани на службу к великому князю Московскому Василию Ивановичу и получил в крещении имя Иоанн. Это был, вероятно, прадед Осипа Ивановича.

Осип Иванович Ермолов тоже проявил себя как храбрый воин. За оборону Москвы во время Смуты царь Михаил Федорович наградил его обширными поместьями. Но государь схитрил: поместья эти были на окраине России, и Ермолову нужно было создавать здесь заслон от врагов.

Хозяин Тёплого Стана практически в этих краях не появлялся. Вскоре он был отправлен послом в Персию. Потом случилось так, что в 1631 году, за несколько лет до смерти, Осип Иванович постригся в монахи. Он окончил свою жизнь в Нижегородском Благовещенском монастыре, презентовав богоугодному заведению значительную часть своих владений. Но каким образом этой частью поместья завладели костромские дворяне Сеченовы, выяснить мне не удалось. Известно лишь то, что в 1752 году Дмитрий Сеченов, имевший ещё и земельный надел под Костромой, передал свои вотчины брату, Ивану Андреевичу, отставному капралу. Потом по наследству они достались деду Ивана Сеченова – Алексею Ивановичу.

Сеченов писал в своих «Автографических заметках»: *«Дед наш, Алексей Иванович Сеченов, хоть и был зажиточным помещиком, но детей учил на медные гроши, а сыновей по господствующему в екатерининские времена обычаю записывал в ранней юности в гвардейцы»*. И отец Сеченова, Михаил Алексеевич, тоже служил в одном из самых престижных в то время Преображенском полку и вышел в отставку в звании секунд-майора.

В семье, кроме самого Сеченова, было еще четыре брата – Алексей, Александр, Рафаил и Андрей и три сестры – Анна, Варвара и Серафима. Будущий физиолог был самым младшим. Отца он застал уже стариком. В 1839 году Михаил Алексеевич умер. Иван Михайлович запомнил его седым, в мягких сапогах, черных плисовых штанах и в венгерке, с неизменной трубкой в зубах. Отец любил лошадей, сам их кормил, водил на водопой. Как вспоминал потом учёный, он научил сына игре в бильярд, но каждый раз ему проигрывал и злился по этому поводу. *«Не помню, — писал Иван Михайлович, — чтобы он кого-то из детей приласкал или наказал»*. Это и понятно. Его вообще ничего кроме лошадей не волновало. Отец Сеченова даже ни разу не ездил в Симбирск (Курмышский уезд входил тогда в состав Симбирской губернии) на выборы предводителя дворянства.

Мать Анисья Егоровна была из крестьян. В её жилах текла калмыцкая кровь, и Сеченов был на неё похож. Его сподвижник, другой выдающийся русский учёный, Илья Мечников, не раз говорил, что Иван Михайлович – вылитый татарин. О себе он писал так: *«Мальчик я был некрасивый, чёрный, вихрастый и сильно изуродованный оспой (родители, должно быть, не успели привить мне оспу, она напала на меня на первом году и изуродовала меня одного из всей семьи), но был, кажется, не глуп, очень весел и обладал искусством подражать походкам и голосам, чем часто потешал домашних и знакомых»*.

Мать, как вспоминал Сеченов, *«была кроткая нравом»*. Перед замужеством обучалась грамоте, рукоделию и ведению хозяйства в Суздальском женском монастыре, и в Тёплом Стане занималась исключительно только хозяйственными вопросами, то есть была экономкой. С детьми общались нянька Настасья Яковлевна и гувернантка Вильгельмина Константиновна Штром, обучавшая детей французскому и немецким языкам. Она была равноправным членом, и Михаила Алексеевича называла папенькой. Другие учителя преподавали Закон Божий, арифметику, грамоту и латынь.

Учёба давалась Сеченову легко, в отличие от сестры Серафимы, на голову которой гувернантка вынуждена была время от времени водружать бумажный колпак с надписью «За леность». Читал он всё, что попадалось под руку, но системы в подборе литературы не было. Библиотеку пополнял один из братьев, Александр, который служил на Кавказе. Но уже тогда Иван Михайлович чувствовал тягу к естественным наукам и этим объясняется его даль-

нейший выбор жизненного пути. Отец хотел отдать его в Казанскую гимназию, но после его смерти мать и старший брат Алексей настаивали на том, чтобы подросток поступил в Михайловское инженерное училище.

Стоит добавить, что семья Сеченовых жила зажиточно. В число дворовых слуг входили повара, конюхи, скотники, два ткача, портные, сапожник, печник, парикмахер, столяр, жестянщик. У Ивана Михайловича был свой личный слуга Феофан, который находился рядом с ним вплоть до его зрелости. Михаил Алексеевич не жалел денег на благотворительность. Строил избы для погорельцев, на его деньги была воздвигнута каменная церковь.

Соседи

Осип Ермолов передал Благовещенскому монастырю только часть своего поместья. Остальная часть была разделена между его потомками. Земли эти много раз переходили из рук в руки, закладывались, продавались, выделялась дочерям в качестве приданого. Только в 1752 году Федор Иванович Ермолов собрал все эти клочки земли в одно владение. Его сын, Нил Федорович, отставной генерал, подарил это имение своей дочери Елизавете. Она вышла замуж за военврача Михаила Филатова, и Филатовы стали Сеченовым и соседями, и... врагами.

Что они не поделили, сказать трудно – на этот счёт каких-то свидетельств нет. У Михаила Федоровича и Елизаветы Ниловны было два сына, Пётр и Николай, сверстники Сеченова, но им запрещали общаться друг с другом, и два Михалыча – Иван и Николай – сошлись только когда оба поступили учиться в военно-инженерное училище. Пётр, кстати, тоже стал офицером. Благодаря его сестре Наталье Михайловне и её племяннику Нилу Федоровичу Филатову, профессору Московского университета, семьи бывших врагов связали родственные узы.

Если отец Сеченова души не чаял в лошадях, то Михаил Федорович Филатов питал такую же страсть к пчёлам. Однажды, рассказывал, что приманил на свою пасеку такой огромный рой, что от его тяжести пригнулись к самой земле ветки черемухи рядом с пасекой. Но этому, правда, никто не верил. Помимо того Филатов-старший увлекался и живописью. На стенах его дома висели картины, написанные им, но куда они пропали и какова их художественная ценность, неизвестно.

Сады Филатовых и Сеченовых соперничали по своим размерам и красоте. Фруктовые деревья, в основном яблони, перемежались с аккуратными берёзовыми, сосновыми, липовыми и еловыми аллеями; росли малина, сирень, рябина, бузина и черёмуха, а также жёлтая акация, служившая живой изгородью. У Филатовых она обрамляла беседку. Теперь от этих садов мало что осталось.

Гостей в доме Сеченовых принимали нечасто. Несколько раз в год приезжал Борис Сергеевич Пазухин, имение которого находилось в 60 верстах от Тёплого Стана. Он был вдовцом, воспитывал вместе со своей сестрой Прасковьей Сергеевной двух дочерей, при этом не держал никакой дворни. После его смерти Прасковья Сергеевна переехала поближе к Сеченовым, и общение двух семей стало ещё более тесным. Иван Михайлович даже влюбился в племянницу Прасковьи Сергеевны Катю, которая была на четыре года старше его. *«Она была единственной барышней, которую я видел, – признавался он в своих „Автобиографических записках“. – Вероятно, сознавал, что страсть моя покажется смешной и предмету, и окружающим; поэтому я сумел скрыть от сестёр вплоть до отъезда из деревни в Петербург. Иначе я был бы, конечно, осмеян сестрой моей Варенькой, которая вообще любила поддразнивать меня и проходиться насчёт моей красоты».*

Но первая любовь не забывается. *«Чувствую и в настоящую минуту, что будь она жива, она была бы для меня одним из самых дорогих существ на свете», – писал Иван Михайлович на склоне жизни.*

Другом семьи Сеченовых был и судья из Курмыша Павел Скоробогатов. Он, как и Пазухин, получил хорошее образование, следил за новинками литературы. В 1842 году после выхода в свет «Мёртвых душ» Николая Гоголя Скоробогатов привёз эту книгу в Тёплый Стан, где в доме Сеченовых устроили её чтение. Читали по очереди, всем особенно нравилось, когда эта очередь доходила до Ивана Михайловича – ему удавалось интонацией передавать черты характеров гоголевских персонажей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.